

Остринская горноселковая библиотека

ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА ДЕРЕВНЯ ЗИНЯКИ

*Памяти
сожжѐнных деревень,
скорби и славы народа
посвящается...*

2023 г.

Исследовательская работа
“Восставшая из пепла деревня Зиняки”

**Степанченко Анна Александровна,
библиотекарь 1 категории.**

Справка о населенном пункте.....	3
Краткий очерк о предыстории трагедии.....	4
Аргументы и факты о сожжении деревни Зиняки.....	7
Судьбы очевидцев трагедии. Воспоминания жителей.....	12
Увековечивание памяти погибших жертв войны.....	25
Заключение.....	28
Литература.....	29
Приложение 1. Поэтическое посвящение родной деревне.....	30
Приложение 2. Из истории проведения торжественных мероприятий.....	31
Приложение 3. Деревня Зиняки среди себе подобных.....	33
Приложение 4. Копии материалов об истории деревни Зиняки, собранные членами клуба “Спадчына” Остринской детской библиотеки	39

КРАТКАЯ СПРАВКА О НАСЕЛЕННОМ ПУНКТЕ

Деревня Зиняки находится на территории Остринского сельского совета Щучинского района Гродненской области.

Расположена в лесном массиве, обслуживание которого осуществляет Остринское лесничество Щучинского лесхоза.

Неподалеку протекает река Котра.

Деревня располагается в пределах сельскохозяйственных угодий ОАО «АгроГЖС».

Транспортное сообщение находится в ведении Щучинского автопарка №12.

Продуктами питания жителей деревни обеспечивает автомагазин Щучинского РАЙПО.

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, -
Речь не о том, но все же, все же, все же...*

Прошло много лет с момента бесславного нападения фашистской Германии на СССР. Зарубцевались раны земли, появились новые города, выросли поколения людей, которым война известна только по кинофильмам и кадрам хроники, а мы каждый год плачем, вспоминая тех, кто отдал свою жизнь за Победу, за возможность жить и радоваться каждому прожитому дню.

Бывали ли вы в Зиняках? Где в память выжженной фашистами деревни встал мемориал, напоминая людям о страшном костре, сложенном из человеческих тел, где легкое дуновение ветра доносит слова от мертвых к живым: «Пусть перенесенные нами страдания, наша боль станут мерой нашей ненависти и мерой нашей памяти».

Сегодня в этой лесной деревеньке кипит жизнь всего лишь в 4 домах, а до войны их было более восьмидесяти. Только 6 зиняковцев живут обычными хлопотами, у них главное – досмотреть домашнее хозяйство, тепло натопить печь, дожидаться детей из города на выходные – встретить их радушно и щедро. А пережили эти люди такое, что этих переживаний хватило бы на несколько человеческих жизней. Не из фильмов и не из книг знают зиняковцы, что такое война. Хотя большинство из них и были совсем юными на тот момент, но впечатлительная детская память и сейчас, то ли в тревожных снах, то ли наяву снова и снова рисует ужасные картины.

А началось все с «Расовой теории» Гитлера, провозглашавшей мнимое право господства одной нации над другой, которая являлась идеологической основой злодеяний гитлеровцев.

Полный текст плана до сих пор не найден. Но сохранились отдельные подготовительные документы. В одном из них – «Из замечаний и предложений по генеральному плану «Ост» - прямо говорилось, что следует отличить лишь 25% белорусов, наиболее пригодных по расовым признакам, а остальных 75% выселить (точнее уничтожить). Гитлер

заявлял: «Мы обязаны истреблять население- это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развивать технику истребления населения... Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы...»

Гитлер издал приказ, в котором утверждалось право немецких солдат грабить советское население и истреблять его. Офицерам фашистской армии вменялось в обязанность уничтожать советских людей по своему усмотрению, им разрешалось применять карательные меры по отношению к мирным жителям, сжигать деревни и города, отбирать у населения скот и продовольствие, угонять советских граждан на каторжные работы в Германию.

Оккупировав летом 1941 года территорию Белоруссии, фашистские захватчики установили на белорусской земле так называемый «новый порядок» - режим террора, населения и рабства. Они лишили Белоруссию государственной самостоятельности, расчленили ее на части, восстановили буржуазно- помещичьи порядки, лишили белорусский народ социальных и политических завоеваний, элементарных гражданских прав и человеческих свобод.

За 3 года оккупации на территории Белоруссии фашисты превратили в руины 209 городов, уничтожили 9200 сел и деревень, замучили и сожгли свыше 2-х миллионов 200 тысяч советских граждан. Везде, где ступала нога фашистского солдата, совершались немыслимые по своей жестокости преступления, жертвами которых были мирные люди – старики, женщины, дети. Гитлеровские палачи последовательно и систематически проводили массовые уничтожения мирного населения. Они истребляли сотнями тысяч ни в чем не повинных людей, применяли изощренные методы пыток, жгли, травили собаками, вешали, умертвляли в душегубках, морили голодом, заражали инфекционными заболеваниями, расстреливали.

Осуществляя на практике человеконенавистнический план «Ост», гитлеровцы проводили против мирного населения карательные операции. Во время этих операций погибло большое количество советских людей, в том числе жители лесной белорусской деревни Зиняки.

О том, что началась война, зиняковцы узнали не из информационных сводок – радио ни у кого в деревне не было. Война в первый же день ворвалась к ним вместе с гулом немецкого самолета, который, будто бы

черный ворон – предвестник большой беды, пролетел над мирными крышами домов и обстрелял в Острино людей, которые собрались на ярмарку. Плакали женщины, с понурыми головами ходили мужчины. И не знали, не думали люди, что случится с ними, заложниками фашистского геноцида.

С первых дней фашистского нашествия наша страна превратилась в единый военный лагерь. Жители городов и деревень шли в военкоматы, чтобы оттуда отправиться на фронт. А те, кто оставались в тыле, работали за двоих, за троих, чтобы дать все необходимое фронту.

Очень сложными были первые дни и недели Великой Отечественной. Несмотря на героизм, самоотверженность воинов красной Армии, патриотов, фашистам удалось оккупировать Беларусь. Согласно планов фашистов было предусмотрено вывезти население с Польши и Западной части Советского Союза и поселить здесь 10 миллионов немцев, а часть населения онемечить.

Однако потери и неудачи первых месяцев войны не сломили дух советского народа, не пошатнули его веру в разгром фашистских захватчиков. Тысячи, сотни тысяч людей шли на фронт. На захваченной врагом белорусской земле ширилось и набирало силу партизанское движение.

Гитлеровское командование изо всех сил старалось уничтожить партизанское и подпольное движение в Щучинском районе. Не одна карательная экспедиция была проведена против партизан, однако народные мстители и местное население не отступали. Многие жители Зиняков ушли в партизаны, но фашисты не смогли выследить связных, хотя знали, что население деревни поддерживает связь с партизанами. Именно поэтому и стала деревня огненной заложницей. Здесь помнят, как в 1943 году через Зиняки шел отряд Капусты, бои и перестрелки, облавы и постоянное предчувствие страшной беды.

Однажды партизаны обстреляли немецкую легковушку и захватили далеко не рядовых гитлеровцев. Расплата же легла на мирных жителей. Несправедливо. Страшно. Жестоко.

22 января 1944 года случилась одна из самых страшных трагедий Щучинского района. Зиняки окружили около 300 немецких карателей и оставались возле каждого дома до рассвета. Никто из жителей не догадывался об этом. Только утром сельчане увидели, что деревня окружена. Утром каратели обыскали дома, но партизан в деревне не оказалось. Жители не знали и не понимали, что их ждет. Утром не растапливали печки, не кормили скотину. Фашисты начали выгонять из домов детей, женщин, стариков. На глазах у родителей каратели начали расстреливать детей. Потом прикладами и штыками загнали людей в гумно, забили двери и подожгли. Тех, кто пытался вырваться из огня, расстреливали. Потом открыли пулеметный огонь по пустым домам. Деревня была сожжена.

О том, что происходило той ночью, нам рассказал член президиума Щучинского районного совета ветеранов Михаил Майко, который по воспоминаниям уже ушедших из жизни и еще живых очевидцев восстановил картину черного дня Зиняков. Примерно в 10 часов утра каратели начали выгонять людей из домов, лежачих стариков и больных убивали на месте. Остальных согнали в четыре сарая, расположенных на разных концах местечка, а затем подожгли.

**Жгут деревню Княжеводцы, июль 1943 года.
Фото из фондов Гродненского государственного
историко-археологического музея**

Добравшись до родной деревни, Михаил Иосифович Журун первым делом поближе прокрался к своему двору. «Ворота были распахнуты, возле дома насчитал 19 фашистов, родных не видел», — вспоминает он. Чуть позже он увидел босые следы на снегу и понял, что отца в сарай погнали босым. У него были больные ноги, он не успел обуться. «Шесть родных душ погибло — отец, мать, брат с женой, их 6-летний сын, сестра 22 лет», — добавляет ветеран. Ему запомнился тот жуткий запах, который стоял над деревней.

Наш собеседник уверен, что спасти деревню могли партизаны. «Если бы они начали стрелять, то отряд карателей побоялся бы так бесчинствовать», — предполагает Михаил Иосифович. Он вспоминает, что один из партизан после окончания войны пришел в эти места, долго бродил по сожженным Зиньякам, а затем повесился на ветке дуба.

- О, какая красавица! — толстый немец показывал дулом автомата на Доминику, дочку Михалины Майко. — Ты должна жить. Такой цветок мы повезем в Германию.

Девушка обеими руками обхватила маму:

- Ни за что! Я здесь умру, на своей земле, вместе со всеми...

Этот эпизод и сегодня вспоминают в Зиньяках, как и многие другие. Потому что за каждой перечисленной на мемориальной плите фамилией — своя судьба, своя история. И свидетелей той огненной трагедии еще можно найти. Зайдите в любой дом этой деревни, попросите вспомнить события 66-летней давности, и слезы, неутешные и пекущие, появятся на глазах вашего собеседника, тяжелый всхлип вырвется из груди, будто бы только вчера все это было.

Утром на месте Зиньяков дымилось пепелище. 419 мирных жителей — женщин, стариков, детей — сгорели в огне. Люди, пришедшие из окрестных хуторов, нашли лишь останки сбившихся по кучкам людей. По остаткам одежды людей, которые горели, прижавшись друг к другу, соседи из ближайших деревень узнавали близких. Остальных невозможно было узнать, они рассыпались, как только до них дотрагивались. Здесь также погибли ещё 65 жителей окружающих деревень, которые случайно оказались в Зиньяках.

С этого ада удалось вырваться Виталию Николаевичу Шадуре. Он прятался в кустах, которые росли возле его дома. Каратели окружили дом. Зашел туда только один фашист. Он начал что-то громко кричать. Потом загредел выстрел, и юноша понял, что гитлеровец застрелил его мать. Когда фашист вышел из дома, каратели начали выводить из сарая скот и повели его в центр деревни, где слышались выстрелы и людские крики. В.Н Шадура добрался до деревни Бершты, а потом ушел в партизанский отряд.

От ужасной расправы удалось спастись и семье Змитрука Александровича Поливки. В тот январский день Поливко собрался ехать к мельнице. Чтобы попасть туда заранее и не стоять в очереди, он выбрался в дорогу, когда еще было темно. Видимо, это и спасло его. Фашисты не задержали Змитрука Александровича, считали, что едут «свои», потому что в это время в Зиньяки они согнали немало подвод, чтобы забрать награбленное. Догадавшись о намерении немцев, Поливко вернулся домой и забрал семью.

Из огненного пекла спаслось всего несколько человек. Как рассказал Михаил Майко, один 12-летний мальчик спрятался под крышей сарая, а когда его подожгли, смог незаметно убежать в лес. Еще несколько детей выжили благодаря предусмотрительности родителей. Отец заранее выкопал тайную землянку под сараем, а вход в нее был спрятан под кормушкой для скота. В тайнике были припасы воды и еды, а также оборудовано отверстие для воздуха. Когда пришли каратели, родители успели спрятать детей, а сами остались в доме.

Еще один житель спасся по случайности. Вышел во двор, и нагрянувшие в дом немцы его не увидели. Чтобы спастись, он укрывался в лесу. Правда, в доме у него осталась жена с новорожденным ребенком.

По некоторым данным была создана некая партизанская база в Святом Болоте (район сливания рек Котра и Невиша). По словам очевидцев, в Зиняках, на первомай, вывешивали красные флаги на дома. Трагедии в д. Зиняки предшествовала, возможно, несостоявшаяся трагедия в соседней деревне. Утром в д. Пиловня приехали грузовики с немцами, жителей вывели на улицу, поставили пулемёт, приказали ждать. Так стояли полдня, затем приехал мотоциклист, переговорил со старшим, быстро свернулись и уехали в направлении Астрино. Позже узнали, что в тот день спалили деревню Зиняки с жителями + частично жителей Сухарей и Зубровки.

Деревню Зиняки Щучинского района в январе 1944 года уничтожили местные полицаи, то есть те, кто перешел на сторону фашистов. Несколько лет назад из польских органов внутренних дел приходил запрос информации о белорусе, который жил в Польше и подозревался в причастности к сожжению Зиняков. Однако в итоге не нашлось достаточно доказательств его вины. Данных о проведении судебных процессов над карателями деревни Зиняки нет, сообщили в прокуратуре Гродненской области.

КСТАТИ

С 1941 по 1944 год на территории современной Гродненской области было сожжено более 310 деревень. Эта информация содержится в электронной базе данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны». В список включены деревни, которые были уничтожены полностью или частично с населением и без него. Самое крупное село Гродненской области, которое было сожжено вместе с жителями, — это Княжеводцы Мостовского района: во время карательной операции в огненном пекле погибли около 900 человек.

Чаще всего села сжигались летом 1943 года во время антипартизанских акций. Как правило, немецкие каратели делали зачистки мест, в которых могли прятаться партизаны. Также причиной могли быть акции возмездия.

Самые крупные сожженные деревни Гродненской области

Деревня/село, район	Дата	Количество погибших
Княжеводцы, Мостовский	Июль 1943	900
Партизанская (Пузевичи), Гродненский	Июль 1943	496
Зиняки, Щучинский	Январь 1944	419
Дворец, Дятловский	Июль 1942	400
Старая Голынка, Зельвенский	Декабрь 1942	386
Шауличи, Волковысский	Июль 1943	366
Великая Воля, Дятловский	Декабрь 1942	364
Окуниново, Слонимский	Июль 1944	305

**СУДЬБЫ ОЧЕВИДЦЕВ ТРАГЕДИИ.
ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ.**

*Прошла война, прошла отрада;
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.
Пусть память гордую о ней,
Хранят об этой муке,
И дети нынешних детей
И наших внуков внуки.*

Из воспоминаний Николая Ивановича Журуна (2009 г.):

«Мне тогда было всего двенадцать лет, но детская память сохранила страшные картины того ужасного дня.

...Тревожное утро. На деревенской улице гремят повозки. Из дома в дом сную немцы. Мы хоть и были совсем малые, но понимали: что-то не то здесь происходит, видели немое отчаяние в глазах родителей. Взрослые все же пытаются нас успокоить, с каким-то напряжением заставляют себя заниматься привычными сельскими делами.

Отец пошел кормить корову. Мать растопила печь, собиралась готовить завтрак. И вдруг...стук в дверь. В дом вошли солтыс и немецкие офицеры.

- Где твой хозяин? – спрашивают у мамы.

- В сарае.

- Скажи ему, пускай запрягает лошадь – повезет нас, - дает распоряжение солтыс.

Мать смотрит на него напряженно-осторожным нервным взглядом, кажется, в самую душу проникающим и отваживается на главный вопрос:

- А что с нами будет?

Солтыс отводит взгляд и тихо говорит:

- Плохо будет...Убивать вас будут...Деревня окружена...

Больше наша семья уже никогда не собралась вместе. После того, как отец повез на повозке фашистов, мама поцеловала каждого из нас и со слезами признала горькую правду:

- Детки, не смотрите за мной. Убегайте, прячьтесь. Может хоть кто-то останется в живых.

Сестра побежала к дяде в деревню Нароши. Но, видимо, нарвалась на засаду, потому что в живых ее не оказалось. Я же спрятался под крышу соседнего дома. Слышал, как гнали людей, как плакали дети и кричали женщины. От страха я себя не помню. Может час сидел, может и больше. Душу раздирали автоматные очереди, озверелые крики фашистов. Потом как-то все утихло, улеглось, и я решился вылезти из своего укрытия. Метров двести отошел и вижу – обвалились крыши. Сожгли звери нашу деревню.

На отшибе стояло гумно. Я туда спрятался, зарылся в люпин. Потом надумал податься в лес. Уже почти дошел, но немцы заметили меня, начали стрелять. Убегал, кувыркаясь, чтобы не попала пуля. Сам не знаю, что управляло мной, откуда силы брались. Наверное, Бог хранил... К лесу все же добежал. А туда фашисты не пошли, побоялись.

Отец мой тоже остался в живых. Когда отвез в Новый Двор немцев, солтыс не отпустил его назад, в Зиняки. Сказал: «Оставайся здесь, у меня, потому что с вашей деревни мало кто выживет». Так оно и случилось. Все наши родственники погибли в огне. Да разве я один такой? Здесь в каждый дом войди, и во всех найдутся люди, которые безвинно потерпели, у которых родные страшную смерть в огне приняли. Нелегко жить с такой ношей на сердце. Да и с того времени не могу смотреть фильмы о войне, потому что воспоминания рвут душу на куски».

**Н. Журун с учащимися Остринской СШ,
посетившими д. Зиняки во время экспедиции**

<https://sputnik.by/victory/20170509/1028683226/nemcy-sozhgli-derevnyu-istoriya-vyzhivshego-ochevidca.html>

Единственный живой свидетель рассказал, как немцы огнем уничтожили его деревню вместе с жителями.

Дом Николая и Нины Журун

"73 года прошло, а у меня каждый день перед глазами картина, как по деревне идут немецкие каратели, как сгоняют соседей в сараи, как доносятся женский и детский плач, выстрелы", — начинает свой рассказ **Николай Журун** из деревни Зиняки Щучинского района.

В конце войны немецкий карательный отряд у него на глазах сжег родное село вместе с жителями. 85-летний пенсионер — единственный живой свидетель, которому в тот день чудом удалось спастись из пылающей деревни. Накануне 9 Мая он рассказал корреспонденту Sputnik, как это было.

Каратели прибыли в середине ночи и окружили деревню

"До последнего момента никто ничего не знал", — мы сидим в кухоньке небольшого деревенского дома в Зиняках, которую в послевоенное время отстроили на месте сожженной деревни. Николай Иванович одно за другим восстанавливает события 22 января 1944 года. Тот день, когда он в последний раз видел маму, младшего брата и двух сестер, а также всех друзей и соседей.

Тогда Николаю было всего 12 лет. Признается, что сейчас, спустя 73 года, помнит все до мелочей, как будто это случилось вчера. "Зима была не суровая, снега было мало. Я в тот день на санках катался, нос разбил", — вспоминает Николай Иванович. Правда, взрослые подозрительно перешептывались: почему всем соседним деревням приказали собрать фурманки (повозки) и ночью ехать в Новый двор — центральную деревню, в которой размещалась комендатура. А им,

зиняковским, такое распоряжение не пришло. Только на следующий день стало понятно, что повозки соседних сельчан были нужны, чтобы увозить добро и пожитки из домов жителей Зиняков. Но тогда об этом никто и не догадывался.

Карательный отряд численностью примерно 300 человек прибыл в середине ночи. На рассвете они стали окружать деревню. В те времена в Зиняках было 89 дворов, она занимала большую территорию. Ведь дома с хозпостройками стояли не так, как сейчас, вдоль дороги, а среди леса на расстоянии друг от друга.

Староста сказал: "Наверное, будут бить"

Как говорит Николай Иванович, часов в шесть утра он проснулся от непривычного шума возле дома — ехали запряженные в повозки лошади, слышалась иностранная речь. Скоро в их дом пришел солтыс (староста двух деревень), а с ним — кто-то из немецкого начальства. Староста ночью показывал немцам границы деревни, чтобы те смогли выставить сторожевых.

Мама тогда стала спрашивать: "А что с нами будет?"

"Плохо. Наверное, будут бить", — ответил староста.

Он попросил позвать отца, приказал ему запрягать лошадь и везти на окраину деревни уставшего от долгой ходьбы немецкого начальника.

"Отец быстро оделся, ни с кем не попрощался и уехал. А мама сказала, чтобы мы (дети) не сидели дома".

Две старшие сестры решили уйти из деревни. Николай видел, что на окраине их задержали сторожевые из окружения и отвели обратно домой. И тут он заметил, что немцы гонят людей в сторону одного из сараев. Там были и мужчины, и женщины, которые несли на руках маленьких детей.

Он тогда предложил младшему брату: "Мишка, давай во двор к соседу пойдем прятаться". А тот сказал, что от мамы никуда не пойдет, вернулся в дом. Николай Иванович делает долгую паузу, смахивает со щеки слезу и продолжает: "Я прыгнул через забор и побежал один. Больше я своих не видел".

Запомнился ему еще один эпизод. Когда он притаился под крышей соседнего дома, в него нагрянули каратели и стали выгонять людей. Одна из женщин была после операции на аппендицит, с трудом ходила, плакала и отказывалась вставать. Ее сначала оставили в доме, но чуть позже вернулись и выгнали силой. Лежа под крышей, наш герой слышал крики женщин, детский плач, выстрелы, едкий запах дыма.

А потом стали выгонять из сараев животных, забирать вещи и грузить их на прибывшие телеги. Мальчишка догадался: когда немцы заберут все добро из домов, то начнут жечь постройки. Он улучил

удачный момент, выбрался из укрытия и стал убежать. На окраине деревни потерявшие бдительность сторожевые его все-таки заметили, стали стрелять, но Николаю удалось укрыться в лесу.

Людей жгли в четырех сараях

Причина жесткой расправы над Зиняками — подозрение, что в деревне прячутся партизаны. Каратели обыскали каждый дом, никого не нашли, но операцию все равно решили довести до конца. Об этом рассказал член президиума Щучинского районного совета ветеранов Михаил Майко, который в мирное время по воспоминаниям очевидцев и жителей соседних деревень восстановил хронологию тех событий.

Ближе к 10 часам утра всех жителей согнали в четыре сарая, закрыли и подожгли. Один из них стоял напротив нынешнего дома Николая Ивановича в том месте, где сейчас располагается братская могила и монумент, второй — метрах в 50 от него, еще два — на другом конце деревни.

Расправа была жестокой. Людей сгоняли в спешке. Многие даже не успели надеть теплый тулуп, кто-то шел босиком. Одну дряхлую бабушку оставили в доме, она сгорела, лежа на кровати.

Местные жители потом вспоминали, как волки и другие лесные хищники таскали останки сожженных людей. Ведь похоронить их было некому. В послевоенное время всех погибших перезахоронили в одной братской могиле на месте одного из сараев. Их фамилии и имена увековечены на стене памяти, которая установлена возле братской могилы.

Выжили единицы, а дожил до 72 годовщины победы только один

Кроме Николая Журуна в тот день спасся его отец, который отвозил немцев и не вернулся домой. Сын и отец встретились в соседней деревне и до конца войны ютились у родственников и знакомых.

Сейчас остался только один живой свидетель тех событий.

Николай Иванович вспоминает о черном дне Зиняков каждый день, когда выглядывает из окна. Его дом стоит как раз напротив братской могилы и мемориала.

Нина Филлиповна, жена Николая Журуна

Из воспоминаний Александра Куца

В одном из монологов прозвучала такая фраза: «На войне только первый день страшный, а потом человек становится деревянным». От этих слов стало не по себе. Но, наверное, только в таком состоянии, когда душа уже не выплескивает ни эмоций, ни слез, можно было смотреть на все, что происходит вокруг на родной земле, мириться с утратой близких и родных людей. Скажите, хватило бы слез юному **Александру Куцу**, чтобы выплакать свое горе? В тот день, 22 января 1944 года, у него не стало родителей. Вместе с отцом и матерью погибли в огне и семеро родственников, которые приехали к ним из деревни Сухари погостить. Саша вместе со своими тремя сестрами спрятались в погребе – укрытии, которое было выкопано под сараем. Больше суток просидели они там. Хотелось воды, было жарко. Фашисты подожгли сарай, и в укрытии было невозможно дышать. Саша выбил несколько досок, девочки сквозь отверстия хватили ртом горячий воздух... Сестрам Куц дали приют в Пилипповцах чужие люди, а Александр ушел сначала в партизаны, а потом на фронт. Воевал на втором Белорусском. Награжден медалями «За взятие Варшавы», «За победу над Германией», «За отвагу». Войну закончил на Балтике, под городом Ростов. Понимал Александр, что не ждет его родной дом, родители, что нет даже их могил, но притягивала юношу родная осиротевшая земля.

Хотелось увидеть сестер, людей, которые остались в живых. Вернулся в деревню, поселился в старом свирани - дом и сарай вместе. Тогда все так жили, кто вернулся в деревню. В 1948 году женился на Ольге, девушке, которая тоже осталась сиротой. В 1943 году Ольгу вывезли в Германию, через год вернулась – стоит посреди пепелища, совсем одна... Четыре Ольгины сестры, два брата, мать и отец погибли в Зиняках 22 января 1944 года.

Из воспоминаний Ивана Поливки

Похожая история и еще у одного жителя Зиняков – **Ивана Дмитриевича Поливки**. Вот что он рассказывал:

- Утром отец со своим сводным братом поехали к мельнице. У нас тогда была в гостях 12-летняя сводная сестра со своей бабушкой из соседней деревни. Вот мама пошла на улицу за водой, вдруг вбегает вся бледная: «Фашисты в деревне! Все, погибнем! Что же делать? Прячьтесь в погреб!»

Не знаю, что управляло мной, но закричал: «Не полезу! Надо убегать скорее!» Схватил маму за руку, девочку и силой вывел из дома. Бабушка девочки не согласилась идти с нами, осталась. Там и погибла. А мы огородами перебрались к лесу. Слава Богу, спаслись. Пришли в Карпановцы, а потом к сестре отца в Пилиповцы. Когда пошел воевать, думал: за все отомщу врагам. Польские города брал – Гдыню, Гданск. Но и тут не везло: дважды получил тяжелые ранения...

Из воспоминаний Марии Григорьевны Стасюкевич (1995 г.)

- Жили мы на хуторе, около леса. У родителей нас было двое – я и сестричка шести лет, с нами жили еще тетя и бабушка. Накануне того страшного события ничто не предсказывало беду: мама занималась домашним хозяйством, папа пошел проведать свою сестру в соседнюю деревню. Мне тогда уже исполнилось четырнадцать лет, я была как нянька – маленькая сестричка приболела. Тут вошли в дом партизаны: «Скоро придут фашисты. Наверно, беда будет, потому что фурманки во всех деревнях заказаны, а в Зиняках нет. Прячьтесь, детки, спасайтесь!»

Меня охватил ужас. Тут мама прибежала. Собрались мы быстренько, и пошли из дома. На улице уже светало. Мы зашли за свой сарай и, нагибаясь, вышли к лесу. Слышим немецкую речь, лай собак. Мы упали на землю, испуганные, поняли – фашисты окружают деревню.

Немного осмотрелись и подались в глубь леса. Спрятались в заброшенном домике, сидели долго. Тогда мам пошла разведать, куда можно идти, нет ли фашистов. Я в маленькое окошко смотрела. Вижу: мама уже далеко зашла, и вдруг два немца вышли из леса. Откуда они взялись? И к маме? Один немец автомат наставил... Я онемела, сестренку к себе прижала, смотрю. Второй что-то сказал, отвел дуло автомата. Они повернулись и пошли от мамы. Не понимаю, почему они ушли, как оставили маму в живых? Наверное, и фашисты бывают разные...

Я схватила больную сестру и быстрее убежать через окно, дальше в лес. Невозможно рассказать, как мы мучились, что пережили. Ходили по деревням, просили, чтобы нас приютили. Люди боялись в дом пускать, и их можно понять. Одна женщина приняла, чаем напоила. Так и скитались по домам. Я хозяйевам всякую работу делала, пасла коз, овец...

После войны вернулись в Зиняки, нам дали старый свиран, мы его отстроили и жили. Так делали многие сельчане.

Из воспоминаний Марии Максимовны Куц (2004 г.)

«Накануне расправы я приехала в деревню Зиняки. Жила я в Гродно, туда меня вывезли фашисты. Ночевала в доме кума Василия Шелешки. В этом доме меня и схватили каратели. По дороге в центр деревни мы встретили девушку из Роганич, жителей деревни Сухари. Их тоже гнали к месту расправы. Когда привели к сараю, где было уже немало людей, я сказала, что не местная и показала немецкий паспорт («аусвайс»). Меня отвели в дом солтыса (сельский староста), где находился главный головорез. Он забрал мои документы и сказал, что могу быть свободной и чтобы завтра явилась в гестапо. Во дворе я увидела ужасную картину. С другой стороны улицы горел сарай, с которого доносились крики, плач, стоны. Люди горели живыми, а кому и удавалось вырваться с этого ада, все равно не было спасения. Их настигали вражеские пули. На моих глазах был расстрелян мой кум Шелешко и женщина. В этом шальном огне погибли и мои родители».

Из воспоминаний
Михаила Иосифовича Журуна

Еще один человек, которому судьбой было предначертано выжить, это **Михаил Иосифович Журун**. В тот день он ночевал не дома, а у сестры в деревне Карпановцы. Хотя и там было неспокойно: пошла молва, что по всем деревням немцы фурманки собрали. «Значит, карательный поход против Зиняков задумали», - решили местные крестьяне. Миша хотел бежать, чтобы предупредить, но сестра на шею бросилась, плакала умоляла:

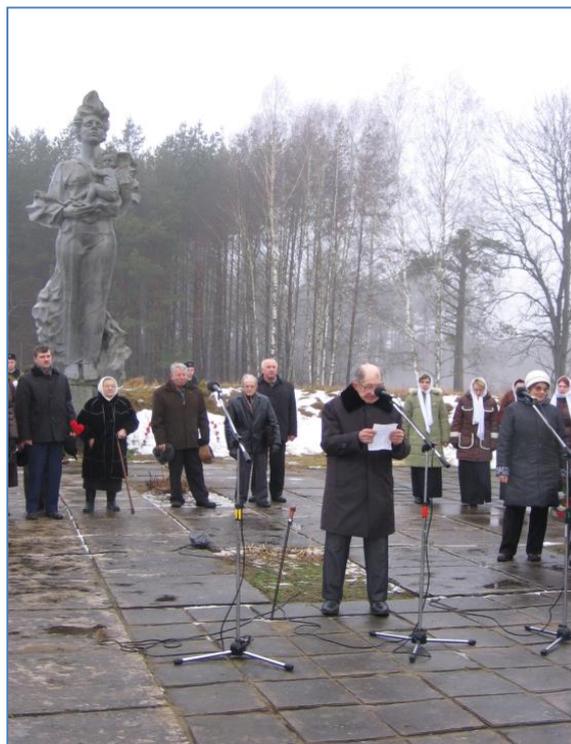
- Не ходи туда! Никого не спасешь, а сам погибнешь...

Потом все-таки не выдержал – побежал. Но уже было поздно. Издалека видел, как немцы подошли к его дому, погнали родителей, сестру, семилетнего племянника. Скот наш забрали, кур ловили. Прежде чем сжечь деревню, фашисты весь нехитрый крестьянский пожиток погрузили на заранее подготовленные повозки. Некоторые люди пытались откупиться от смерти. У Ивана Шелешки были красивые золотые часы. Он предлагал их немцам взамен на то, чтобы отпустили. Часы фашисты взяли, а человека убили. Что говорить, звери...

В час дня дом Михаила Иосифовича запылал. А людей согнанных в гумно, подожгли с четырех сторон. Кто пытался убежать – в тех стреляли. Словами не передать, что в эти часы пережил Михаил Журун. Наверное, такую же сильную боль, как и мученики в огне...

Как же дальше сложилась судьба Михаила Иосифовича? Долго прятался в лесу. Потом нашел партизан. Много всего в жизни случилось. Столько раз был на волоске от смерти. После освобождения Щучинского района от оккупантов 18-летний юноша пошел в армию. Воевал в 408 полку 1-й Брестской дивизии 70-й армии 2-го Белорусского фронта. Участвовал в формировании Вислы. В январе 1945 года молодой солдат был тяжело ранен. После лечения в госпитале демобилизовался инвалидом 2-й группы. Удостоен нескольких наград, в том числе и медали «За отвагу». До сих пор Михаил Иосифович тяжело вспоминает те

события, болезненно ноет старая рана, в глазах стоит адское пламя, что захватило многострадальную деревеньку...(2009 г.)

Из воспоминаний Сергея Андреевича Шинкевича

Материалы с информационного портала

<https://www.sb.by/articles/ya-lyublyu-tebya-zhizn-102.html>

Три жилые хаты остались в деревне Олишковцы Щучинского района. Дом Сергея Шинкевича находится на хуторе, примерно в километре от пустующего села. Его дети и внуки приезжают туда все реже. Но добротный дом все еще не хочет стареть, впрочем, как и его хозяин. Лишь пару лет назад у Сергея Андреевича стало падать зрение, ухудшился слух. Но врачи слышат одну и ту же фразу: «Мне ничего не болит». За всю свою долгую жизнь сельчанин

действительно ни дня не болел, жил весело, играл на гармошке, столярничал и работал, работал, работал...

Это подтверждает и его дочь Мария Сергеевна.

— Отец всю жизнь был душой компании. Но мужская работа по дому всегда была сделана. Он был мастером на все руки. До сих пор многие удивляются чистоте подворья. Сами видите, газон как будто устроен на заказ у ландшафтного дизайнера. Вся мебель в доме сделана руками отца — и тумбочки, и этажерки, и табуретки, и двери. А ведь он всего два класса польской школы окончил. Родители были бедняками. Родился папа в 1915 году и был пятым в семье. Детство Сергея действительно радостным не назовешь. Рано потеряв отца, он в 5 лет уже батрачил на зажиточного пана из соседней деревни Сухари. Однако именно там, в семье богатого Черняка, подсмотрел азы столярного мастерства, научился играть на гармошке. После этого жить стало легче. С 15 лет молодой красивый юноша играл на свадьбах. Даже на часы себе заработал, что по тем временам было делом редким. Женился, дождался первенца. Но все планы на дальнейшую счастливую жизнь перечеркнула война...

На худое, с глубокими морщинами лицо Сергея Андреевича ложится печаль при упоминании о войне: — Как сейчас помню тот день. 22 января 1944-го. На рассвете в деревню пришли немцы. Мужчин расстреливали первыми. За день до этого жена родила второго ребенка, а старшему Ванечке было всего 2 года. Надо было силой увести с собой семью, но была надежда, что малых детей и женщин убивать не станут. Однако ж изверги не пощадили даже новорожденного, которому мы не успели дать имя. Сергей Шинкевич не помнит, как пережил ту ночь. Очнулся утром. Все тело одеревенело, одежда насквозь промокла и пропиталась гарью. На месте родной деревни осталось пепелище. В 1958 году, когда

перезахоранивали жителей сожженной деревни, он увидел в общей могиле машинку для стрижки волос, которую вложил в руки старшему сыну в тот день. Это была его любимая игрушка.

Сергей Шинкевич стал партизанским связным отряда «За Советскую Беларусь» бригады имени Ленинского Комсомола. Как мог, мстил врагу за семью, за сельчан. Летом 1944-го Сергея Андреевича призвали в армию. В артиллерийский полк. Прошел фронтовыми дорогами, участвовал в освобождении Берлина. Не раз смерть ходила рядом. При форсировании Вислы бомбы рвались вокруг солдата. Осколками шинель исполосовало, от зеркала в кармане осталась стеклянная пудра, а ему вновь повезло:

— Думаю, что меня спасала мамина молитва. Она была верующим человеком, постоянно молилась за меня. Кровь, огонь, кругом тела погибших солдат, а я жив. На фронте сослуживцы часто просили его сыграть на гармошке, но Сергей Шинкевич после всего пережитого поначалу не мог себя заставить взять в руки инструмент. Пальцы не слушались, а к глазам подступали слезы. Казалось, звуки гармони навсегда остались там, в прошлой жизни. Но постепенно страх отступал, а жизнь и надежда возвращались.

Сергей Шинкевич награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Уже в самом конце войны простой белорусский крестьянин получил благодарность, подписанную маршалом Жуковым. Она и по сей день бережно хранится в семейном архиве вместе с другими наградами.

Сергей Шинкевич вернулся в родную деревню, но не смог строить новый дом там, где произошла главная трагедия в его жизни. Он ушел в соседнее село Олишковцы. И неожиданно встретил там свою судьбу. Родные скромной и трудолюбивой Стефаниды тоже погибли в Зиняках. Это объединило молодых.— В то время создать семью двоим одиноким людям без жилья было не просто трудно — нереально, — рассказывает историю своей семьи дочь Мария. — Но вновь отца выручили его трудолюбие и знание столярного дела. Со временем построили новый дом. Вскоре папу избрали депутатом сельского Совета, он стоял у истоков создания новой, послевоенной жизни, помогал организовывать колхозы. Однажды ночью в наш дом постучали бандиты. А маме цыганка нагадала, что если не уберезет отца, то он погибнет. Она спрятала его в печи, за горшками. А непрошеным гостям сказала, что муж с братом поехали в соседнюю деревню — гроб делать. Так уберегла мужа от бандитской пули.

Всю жизнь Сергей Андреевич трудился, стараясь честно выполнять порученную ему работу. Освоил профессию руслового монтера. Много

лет работал в Скидельском управлении мелиоративных систем, был душой коллектива. Не один раз его портрет висел на доске Почета

И еще один раз жизнь уже пожилого Сергея Шинкевича висела на волоске. Однажды на хутор, где он долгие годы жил один после смерти жены, ворвались бандиты в масках. Им нужны были деньги. Забрали все ценное, что удалось найти, но самого ветерана не тронули. После этого случая одна из двух дочерей забрала старика в свой дом в агрогородке Озеры.

— А вредные привычки были, какие любимые блюда, в чем секрет долгожительства? — засыпаю вопросами собеседницу. — Да мы и сами не знаем, — удивляется Мария Сергеевна. — Выпить любил. Не без этого. На свадьбах ведь играл. Правда, не курил никогда. Питался интересно: очень любил сладкое и соленое. Сейчас, конечно, ограничиваем его в этом. Свежих овощей никогда не ел. Только в соленом виде. Любые блюда: супы, холодец, голубцы — он всегда обильно досаливал. Родные замечают, что Сергей Андреевич с каждым днем слабеет, но настроения не теряет. А память по-прежнему крепка. Ветеран с легкостью может наизусть прочесть стихи Михася Василька, с которым когда-то свела судьба.— У папы была еще одна удивительная привычка: он все записывал. Сколько сдал молока государству, сколько мяса. Когда посадил картошку, когда выкопал и сколько мешков. Все старые документы он бережно хранил. Вел очень подробный дневник погоды, увлекался астрономией. До сих пор хранятся в доме два толстых дневника, из которых можно узнать, что папа покупал в магазине и по какой цене. Очень красиво писал. Говорил: если спросят, то будут доказательства, что сам детей вырастил. Честно жизнь прожил. Получилась настоящая летопись жизни длиной в сто лет. Поддержка и опора ветерана — две дочери, четыре внука и трое правнуков. Все выучились, работают врачами и юристами. Когда на праздники семья собирается вместе в уютном доме под березами, дед обязательно берет в руки гармонь. И затягивает свою любимую песню: «Я люблю тебя, жизнь! Я люблю тебя снова и снова!» А все родные подпевают.

Р.С.В феврале 2018г. Шинкевич Сергей Андреевич, 1915года рождения ушел из жизни.

*Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Люблю.
Но в памяти всегда со мной
Погибшие в войну.
Пусть всех имен не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?*

Деревню возрождали те, кто уцелел сразу после освобождения родной Беларуси. И пускай сплошная черная смута лежала не только на земле, но и на сердце каждого зиняковца, пускай вся округа была заставлена крестами, людей захватила идея-фикс: во что бы ни стало, а возродить свои Зиняки. Люди рыли землянки, жили в чудом уцелевшем свиране, но строили новые дома. Травы и цветы затягивали раны на теле земли, только не залеченными оставались душевные раны. 74 года прошло, а над этими домами и сегодня висит какая-то недосказанная, сжимающая сердце тоска, будто бы вечный траур по невинным жертвам.

Сегодня о тех страшных событиях из истории Зиняков напоминает монумент, установленный в центре деревни. Уже в мирное время останки людей из четырех мест снесли в одно, и всех похоронили в братской могиле. На огромной гранитной плите — сотни фамилий. По официальной информации, здесь погибло 419 человек, в том числе 68 детей, а также 65 жителей соседних деревень, которые случайно оказались в ту ночь в Зиняках. Некоторые из них пришли к родственникам, так как ждали фашистской расправы над своими «вёсками».

В 1967 году на месте массового уничтожения жителями деревни был возведен обелиск. На гранитном постаменте надпись: «Здесь погребены 419 человек, жители деревни Зиняки, зверски замученные и расстрелянные 22 января 1944 года».

Память... Без памяти нет человека, без человека нет народа. Так же, как без прошлого нет настоящего, а без настоящего – будущего.

9 мая 1988 года в 12.30 в деревне Зиняки начался митинг-реквием, посвященный открытию мемориала замученным фашистами жителям этой непокорной партизанской деревеньки.

Ведущая объявляет: «Слушай, нас, товарищ Время, слушай, История и Современность! Нас, наследников, в чьих сердцах живет память о великих делах отцов и дедов, собрала многострадальная белорусская деревня Зиняки – сестра Хатыни».

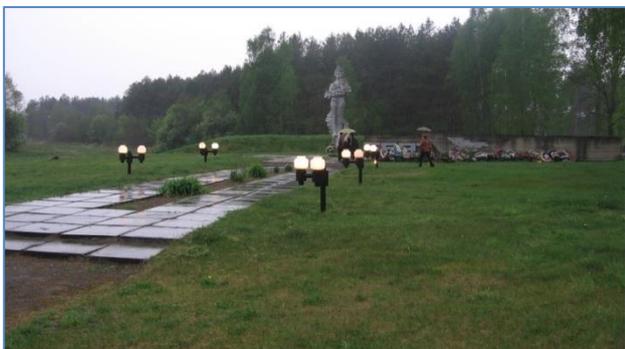
Вот настал момент снятия покрывала. Эта честь была предоставлена первому секретарю райкома В.И.Козяку и председателю райисполкома В.И.Демьянкову.

Перед взглядом присутствующих постаёт величавый памятник – мать с гордо приподнятой головой. Ее взгляд как бы говорит: «Меня убила нечистая сила, но я не покорилась». У каждого сжимается сердце от боли и гнева так же сильно, как прижимает к своей груди эта мать своего ребенка.

Напротив – широкая цементная стена, на которой перечислены имена всех погибших.

В 2004 году мемориал отремонтировали. Установлены прожекторы, сделано световое оформление, по-новому на мемориальную доску прикреплены таблички с именами земляков. На одной из них надпись о человеке без имени – возраст 1 день... Всего же в огне погибли 87 детей.

К мемориалу все эти годы едут на автобусах, идут пешком люди, которые хотят знать жестокую правду войны, отдать дань памяти погибшим, уберечь мир от нового фашизма, и просто возложить к памятнику торжественные гвоздики или букетики луговых цветов.

*Им, в сущности, не надо нашей скорби
И поклонений наших им не надо.
Все это надо нам, живущим ныне,
Чтоб чище быть, честней и
человечней...*

Сегодня мы опять вспомнили ту войну. Но не для того, чтобы ненавидеть тех, кто принес на нашу землю смерть и страдания, а чтобы помнить всегда тех, кто сделал все, чтобы мы, живущие сейчас, могли смеяться и плакать, радоваться и огорчаться, учиться, работать. Пусть каждый из нас почувствует на себе строгие глаза павших, ощутит ответственность перед памятью этих людей. И пусть этот вопрос будет волновать нас: достойны ли мы памяти павших.

Представленный материал отражает реальные события и факты, содержит документы, воспоминания, материалы встреч с участниками трагических событий и их родственниками.

Создание исследовательской работы стало возможным благодаря поисковой деятельности клуба «Спадчына» под руководством библиотекаря Остринской горпоселковой библиотеки Степанченко А.А. Накопленный материал позволил создать работу не столько о самом историческом факте трагедии в д. Зиняки, сколько о деятельности местного сообщества по увековечиванию памяти: возведение обелиска, открытие мемориального комплекса, проведение масштабных мероприятий к годовщине трагедии, организация митингов 9 Мая, систематическая работа по благоустройству и поддержанию порядка на прилегающей территории на протяжении всего календарного года, проведение на базе комплекса мероприятий к памятным датам для учащихся Остринской СШ и читателей Остринской горпоселковой библиотеки с целью формирования гражданственности и патриотизма.

1. Гардзеічык, С. Боль сціскае сэрца...//Дзянніца.– 2009.–№ 9.–С.2
2. Данілаў, А. Святлом удзячнай памяці// Савецкая вёска. – 1988.– №10. С.3
3. Дереклеева, Н.И. Классные часы по теме “Нравственность”: 5 класс. – Москва: 5 за знания, 2006. –С.54
4. Кавелін, А. У студзені сорок чацвёртага// Дзянніца. – 2004. -№11. – С.2
5. Мир школьных праздников: планирование воспитательной работы./Сост.Е.В.Савченко, О.Е.Жиренко. – Москва: 5 за знания, 2005. –С.13
6. Падаляк, Т.У. Нашчадкі вогненнага вясак: дакументальныя нарысы, эсэ, успаміны/ Т. Падаляк. – Мінск: ЛіМ, 2009. 192с.
7. Памяць: Гіст-дакум.хроніка Шчучынскага раёна/Рэд. Кал:Г.П. Пяшкоў.-: Мінск:Беларуская энцыклапедыя. – 2001. – 592с.
8. Пяшко, І. Дакрануцца да памяці балюча//Дзянніца. – 2004. – №9. – С.1
9. Созінава, Н. Душа лістком трымціць міжволі, калі цвіце ля хаты сад//Дзянніца. – 2002. -№9. – С.1
10. Ступакевіч, Т. Бяду прынеслі карнікі ў Зінякі//Гродзенская праўда. – 2009. -№16. –С.6
11. Ступакевіч, Т. Вогненная вёска – Зінякі//Дзянніца. – 2004. - №9. – С.3
12. Ступакевіч, Т. Мы – з вогненнай вёскі//Дзянніца. – 2009. №10. – С.1
13. Фядотава, А., Ступакевіч Т. Яны – з вогненнай вёскі//Дзянніца. – 1995. -№11. – С.3
14. Я з вогненнай вёскі.../А.Адамовіч, Я. Брыль, В.Калеснік. – Мінск: Маст. Літ, 1977г. – 464с.

Дочь Михаила Иосифовича Журуна, Лилия Михайловна Чеботаревич, под впечатлением рассказов отца написала в порыве боли это стихотворение:

У той студзеньскі вечар марозны
Не чуяла веска бяды
А карнікі ціха ўжо ішлі па дарозе,
І снег замятаў іх сляды.

Памалу гайдала калыску матуля
У вячэрняй цішы:
“Чаго так заходзіцца Лыска?
Схадзі, бацька ,ў двор, паглядзі”.

Не ўспеў адчыніць яшчэ дзверы
Як раптам “ Хайль! Быстра назад”
Як быццам не людзі, а зверы
Кружыліся ўжо вакол хат.

“Хавайцеся, дзеткі, у падполле” –
Шаптала матуля ў слязах...
Чуваць, як трашчыць ужо столле,
Страх жудасны ў дзіцячых вачах.

Спалілі, праклятыя, хаты,
Старых, маладых, і малых.
Сагнаўшы ўсіх у тры хаты –
Ніхто не застаўся ў жывых.

Была ў нас і крама, і школа,
Амаль дзевяноста двароў.
А засталіся адны папялішча наўкола –
Ракою лілася людская тут кроў.

Пра жах той расказваў мне тата
(Ён цудам застаўся жывым).
Агнём палыхала бацькоўская хата,
Над лесам шугаў чорны дым.
Было іх чатырыста двадцать,
Маіх землякоў дарагіх.
Бабулю, дзядулю, племяннікаў, цёцю і дзядзю
Я так і не знала жывых.

Вёсак немала на свеце
Такіх, як мае Зінякі.
Я веру, што памяць пра гэта
Жыць будзе ў народзе вякі.

Растуць тут ля помніка кветкі,
Ціха шумяць тапаля...
На плітах магільных застылі навекі
Маіх землякоў імена.

«Премьера» стихотворения на очередной годовщине трагедии

*Приложение 2.
ИЗ ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ
ТОРЖЕСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ*

Ежегодно, в день трагедии, 22 января в Зиняках проводится митинг-реквием. Сюда съезжаются люди из далеких и близких уголков: представители местной власти, ветераны войны, военнослужащие, юные патриоты, представители СМИ, представители организаций, хозяйств и предприятий района.

Традиционно 9 мая общественность Остринского региона собирается у мемориального комплекса, чтобы не только почтить память погибших, но и отдать дань уважения тем людям, кто смог “восстановить деревню из пепла”, их наследникам, кто поддерживает жизнь в деревне.

В митинге принимают участие и учащиеся Остринской СШ. Они несут Вахту Памяти, возлагают цветы, встречаются с ветеранами Великой Отечественной войны, читают слова в память всех невинно погибших здесь людей.

*Венки живых цветов,
что принесли мы,
увянут скоро.
Не увянет память,
останется любовь.
И вечно будут,
как будет вечно
продолжаться жизнь,
оплаченная тысячами жизней.*

Приложение 3.
ДЕРЕВНЯ ЗИНЯКИ СРЕДИ СЕБЕ ПОДОБНЫХ

В Хатыни находится «кладбище деревень» - деревень, уничтоженных фашистами вместе с людьми, уничтоженных и не восстановленных.

В конце июня 1969 года в Хатынь прибыли делегации из районов республики, доставившие священную землю не возвращенных к жизни деревень.

30 июня под звуки траурной мелодии состоялась торжественная церемония закладки земли в урны, установленные на могилах... Могила деревни... Не одного человека, не двух и не трех, а целой деревни, в которой жили десятки и сотни советских людей.

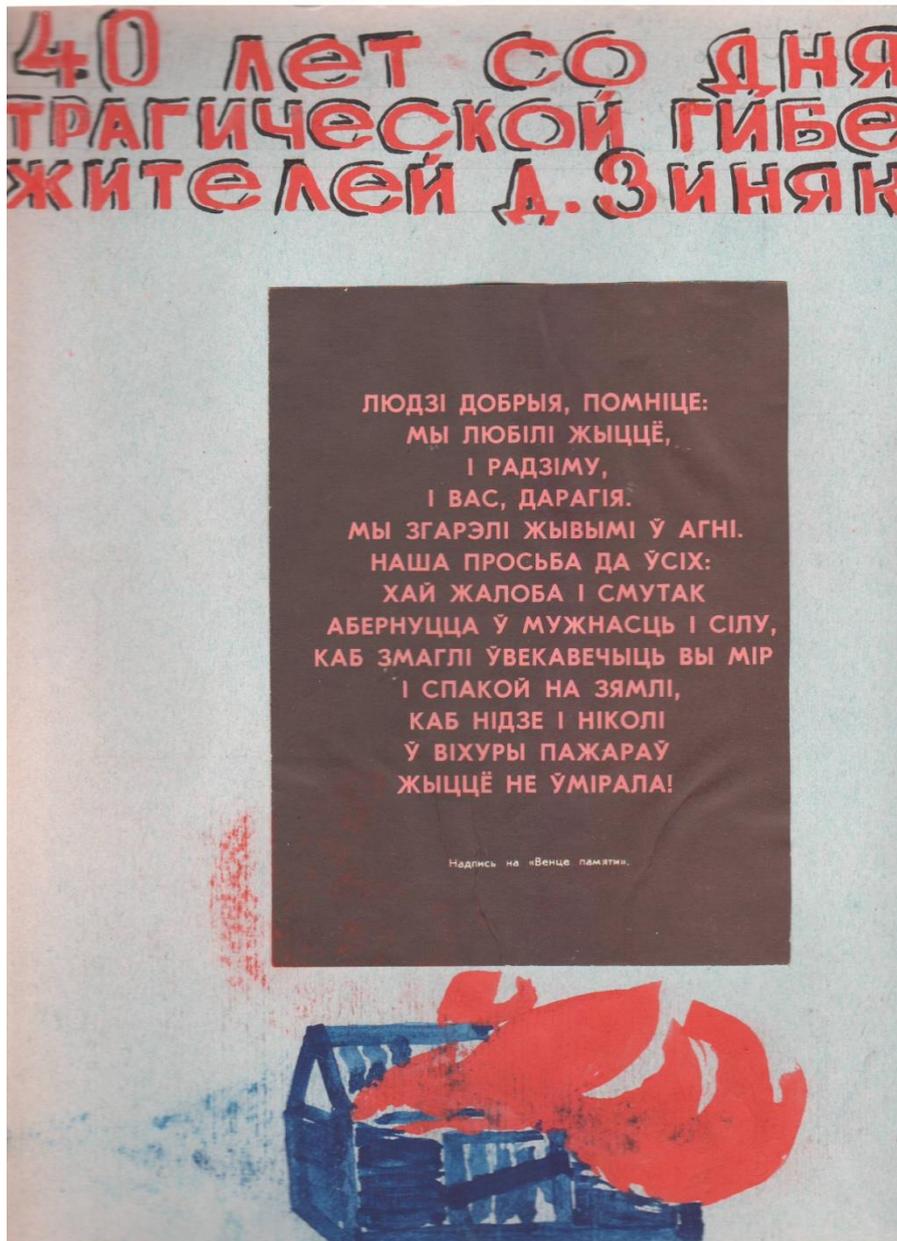
Символическое «дерево жизни» в Хатыни. Есть на его ветвях и название деревни Зиняки.

*КОПИИ МАТЕРИАЛОВ ОБ ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ ЗИНЯКИ,
СОБРАННЫЕ ЧЛЕНАМИ КЛУБА «СПАДЧЫНА»*

С 1982г. Анна Александровна Степанченко, библиотекарь Остринской горпоселковой библиотеки, ведет клуб «Спадчына». Не одно поколение учащихся Остринской СШ имело возможность прикоснуться к истории малой родины. Умелый и неравнодушный руководитель на протяжении более трех десятилетий приобщает ребят к поисковой деятельности учит обобщать собранный материал.

Одним из первых фундаментальных творений клуба стал альбом «Вогненная веска Зінякі», посвященный увековечиванию памяти людей, ставших жертвами трагедии в деревне Зиняки. К 40-летию трагедии были сделаны первые страницы. Затем 45-летие и т.п. . .

Предлагаем копии некоторых страниц альбома, которые отражают наиболее яркие моменты из жизни сестры Хатыни.

БЕДИСК НА МЕСТЕ ГИ-
ЛИ ЖИТЕЛЕЙ Д. ЗИНЯКИ,
ОГОНЬ ПОСТАВЛЕН НА СРЕДСТВА
СБОРАННЫЕ ЗЕМЛЯКАМИ
ОГИБШИХ.

◆ **Память**
Никто
не ожидал беды

Это случилось морозной ночью 1944 года. Стала деревня Зиняки, что в Щучинском районе. Спала и не знала, что надвигается на нее беда со стороны деревень Бершты и Кирпичевщина или каратели. Они окружили Зиняки кольцом. Выгнали из домов мирных жителей. Тех, кто пытался убегать, расстреливали на месте. Всех жителей согнали в сарай и подожгли.

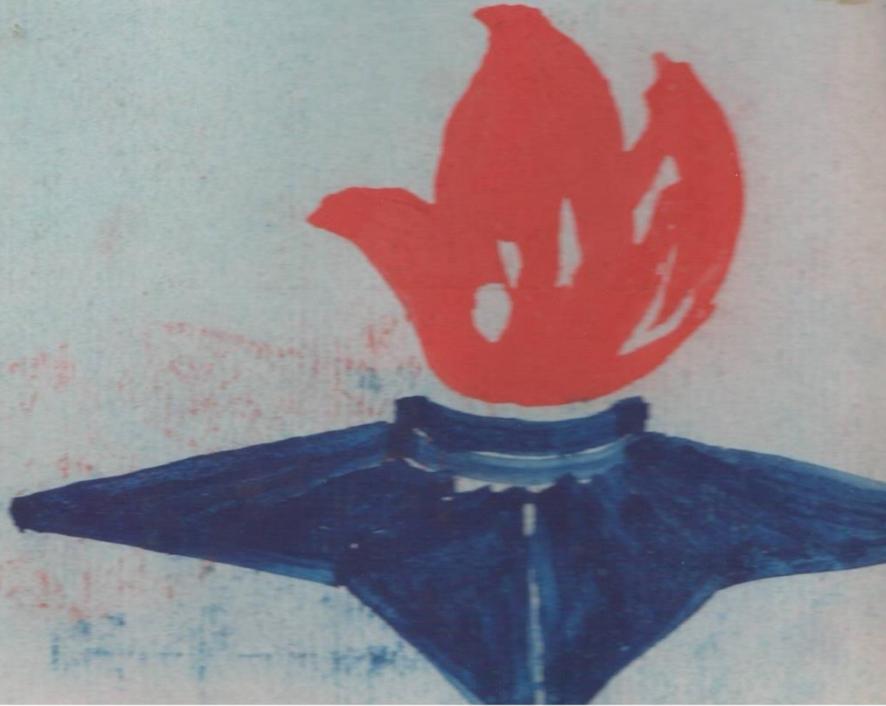
У ТРОМ там, где стояла деревня, осталось пепелище. 419 ее мирных жителей — женщин, детей, стариков — по воле гитлеровских извергов больше не увидели чистого неба над головой.

Михаил Журук чудом остался в живых. Он находился недалеко от того места, где фашисты устроили страшную бойню, и видел, как выволокли из дома на верную смерть отца, мать, сестру, брата с 6-летним сынишкой, соседей. Разрывалось от боли сердце, но помочь юноша был не в силах. Вот тогда и решил Михаил отомстить за родных и близких.

После освобождения Щучинского района от оккупантов 18-летний юноша пошел в армию. Вошел в 408 полк 1-й Брестской дивизии 70-й армии 2-го Белорусского фронта. Участвовал в форсировании Вислы. В конце января 1945 года в одном из боев молодой солдат был тяжело ранен. После лечения в госпитале демобилизовался инвалидом 2-й группы. Удостоен нескольких наград, в том числе и медали «За отвагу».

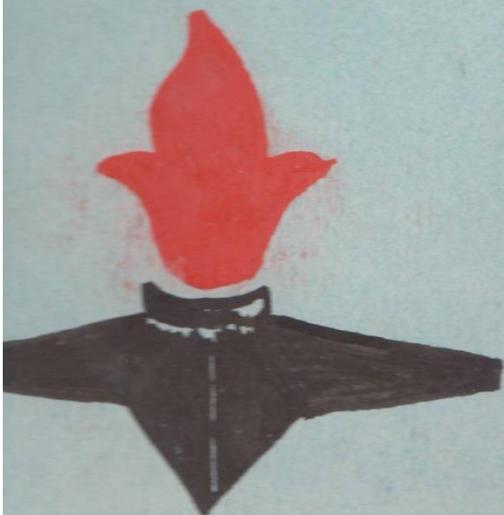
48 лет прошло с тех пор. Давно опустелась деревня Зиняки. Только память о тех страшных днях, как незаживающая рана, веной болью сверлит сердце Михаила Иосифовича Журика. Память о той страшной войне призывает бороться за мир, за прекращение гонимых народов. Прошлое не должно повториться!

1967г

ВОЗЛОЖЕНИЕ ГИРЛЯНД
ПАМЯТИ.

О ВРЕМЯ МИТИНГА.

Ветераны минувшей войны
у памятника землякам.

Во время митинга.

ТКРЬІТІ
МЕМОРИАЛЬНО
КОМПЛЕКС
В Д. ЗИНЯКІ

Ведущие открывают митинг-реквием.

Выступает председатель Остринского
поселкового совета Дежиц В.А.

Святлом удзячнай па

Працоўныя раёна ўрачыста адзначылі Дзень Па
Гонар: Заслужаны А. Заслужаны

ны адбыліся мітынгі, прысвечаныя Дню Перамогі. У 10 гадзін 30 мінут мітынг, прысвечаны святу, адбыўся ля помніка загінуўшым воінам у райцэнтры. Уступным словам яго адкрыў старшыня райвыканкома У. І. Дзем'янку.

З успамінамі аб мінулай вайне выступіў ветэран Вялікай Айчыннай вайны М. А. Федарэў.

З вялікай увагай прысутныя праслухалі выступленне гасця — дачкі маладога сержанта Кізубы, загінуўшага пры вызваленні г. Шучына. У трэці раз прыязджае яна з Кіеўшчыны на магілу бацькі. На гэты раз з ёй прыбылі і ўнучкі.

Мінутай маўчання ўшанавалі ўдзельнікаў мітынгу памяць загінуўшых воінаў.

Затым кіраўніцтва раёна і прадстаўнікі працоўных калектываў усклалі кветкі да падножжа помніка.

II АМЯЦЬ... Без памяці няма чалавека, без чалавека няма народа. Гэтак жа, як без мінулага няма цяперашняга, а без цяперашняга — будучага.

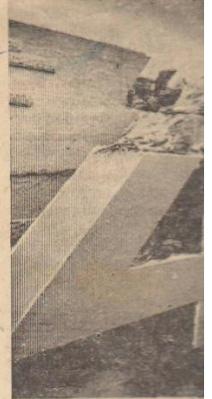
9 мая ў 12 гадзін 30 мінут на месцы, дзе была вёска Зінякі Астрынскага пассавета, адбыўся мітынг-рэквіем, прысвечаны адкрыццю мемарыяла замучаным 22 студзеня 1944 года гітле-

нэся» адкрывае старшыня выканкома Астрынскага пассавета У. І. Дзем'янку. Гучыць Гімн Беларускай ССР.

Слова прадстаўляецца старшыні райвыканкома У. І. Дзем'янку. Ён расказвае аб страшных днях фашысцкай акупацыі, аб аднаўленні народнай гаспадаркі ў пасляваенны час, цяперашніх буднях сельскіх працоўнікаў раёна.

Гонар зняцця пакрывала з помніка прадстаўляецца першаму сакратару райкома КПБ В. І. Казяку і старшыні райвыканкома У. І. Дзем'янку.

Перад поглядам прысутных паўстае велічны помнік

—маці з горда прыўзнятай галавой. Позірк як бы гаворыць: «мяне забіла нячыстая сіла, але я не скарылася». (верхні здымак злева).

У кожнага сціскаецца сэрца ад болю і гневу гэтак жа моцна, як прыціскае да сваіх грудзей гэтая маці сваё дзіця.

Па абодвух баках помніка сталі ў каракул памяці піянеры.

Насупраць — шырокая цэментная сцяна, на якой пералічаны імёны усіх загінуўшых. (верхні здымак справа).

Толькі аднаму жыхару Зінякоў удалося цудам застацца ў жывых, Гэта Мікалай Іванавіч Журун. І вось ён ля мікрафона з хваляваннем расказвае сабраўшымся аб тым жудасным дні (ніжні здымак).

Гучыць жалобная музыка.

Выходзяць шэсць жанчын у беларускіх нацыянальных касцюмах і чорных шалях на галовах. У руках яны трымаюць падносы, заслаеныя рушнікамі, на якіх ляжаць караваі хлеба, разрэзаныя на маленькія кавалачкі.

—Прыміце, людзі, Хлеб

траваю. Па лясных сцегах з вялікай рызыкай для цябе ён дастаўляўся з партызанскіх лес. Ён ні сілы народным мсціў наводзіў страх на в. Пакаштыце Хлеб па

Выступае старшыня цовага калгаса «Саві Беларусь» М. І. Юрэвіч расказвае аб цяперашняй калгаснай вёсцы, німае, што справы сшага пакалення ў нных руках.

Пачынаецца цырымоўскі складання гірлянды (ніжні здымак справа) кветак да помніка і з надпісамі загінуўш

І як у падзяку гучыць ад імя мёртвых:

...Спасибо за памят

ПРОЙДУЦЬ дзесяцігоддзі, змяняцца пакаленні людзей, але ніколі не высьне з памяці нашчадкаў адвагі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне, не знічэцца глыбокая памяць да мужнасці і героізму тых, хто, не шкадуючы ніякога жыцця, змагаўся з вяршыцкімі зэлопнікамі і зрабам невайскага зора-

ваіне Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне выступіў У. М. Антанец.

Затым адбыўся святочны канцэрт.

Раніцай 9 мая з плошчы Свабоды г. Шучына стартаваў аўтапрабег па маршруту Шучын—Каменка—Дэмбравы—Зінякі—Астрына—Лычкаўцы—Галавічполе. Разам з камсамольцамі ў ім удзельнічалі ветэраны вайны і воіны-інтэрнацыяналісты. У вышэйназваных населеных пунктах ля

раўскімі вылюдкамі 419 мёрным жыхарам гэтай непакорнай партызанскай вёскі. З усіх канцоў раёна з'ехаліся сюды дэлегацыі працоўных калектываў, удзельнікі мінулай вайны.

...Гучыць сігнал: «Слухайце ўсе!».

Вядучая аб'яўляе: «Слухай нас, таварыш Час, слухай, Гісторыя і Сучаснасць! Нас, нашчадкаў, у чых сэрцах жыве памяць аб вялікіх справах бацькоў і дзедаў, сабрала да сябе шматпакутнае беларускае вёска

Усенароднаму святу Перамогі быў прысвечан урачысты сход гродзенскага райцэнтры, які адбыўся 7 мая

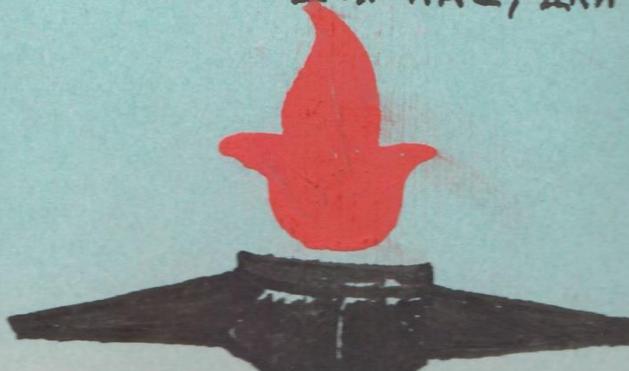

ЕЩЕ НА КАМНЕ СЕРОМ НЕ ОСТЫЛИ
ПРИКОСНОВЕНЬЯ РУК ТВОИХ, ВЯТЕЛЬ ...
И. Кашпуров

Постой минутку у этого памятника... Слыш
ветра песни мелодию:

Если ты что-то мисся в пути,
На минутку к земле припади,
Здесь когда-то кипели бои,
Пали старшие братья твои,
Слышишь, шелчет упрямо трава
Недопетой их песни слова?
Этой песни запомни мотив,
Эта песня для нас, для живых.

В ОБРАЗЕ ЭТОЙ ЖЕНЩИНЫ — НАША СКОРБЬ
И НАША ПАМЯТЬ.

СКРОЗЬ ВОГНЕННЫЯ ГОДЫ

Чым бліжэй падыходзіў да гэтага месца Уладзімір Аляксандравіч Даніловіч, тым больш слабелі ногі, сціскалася ад болю сэрца. І не толькі таму, што яму ўжо стукнула 73 гады, трывожылі франтавыя раны...

Вёску Зінякі, што ў Шчучынскім раёне, як і вядомаму Хатынь спаткаў у час вайны такі ж лёс. Тут было замучана і спалена 419 мірных жыхароў.

На гэтым месцы ўзведзены велічны помнік – маці з горда прыўзнятай галавой, якая прыціскае да сваіх грудзей дзіця. Яе позірк быццам гаворыць: "Мяне забілі, але я не скарылася".

Насупраць – шырокая цэментная сцяна, на якой пералічаны імёны ўсіх загінуўшых. А яшчэ крыху далей стаіць асобны помнік. Ён пастаўлены на месцы спаленай хаты. На ім высечаны словы, ад якіх стыне кроў: "22 студзеня 1944 года растрэляны і спалены нямецкімі захопнікамі сям'я: Майко Сцяпан – 47 гадоў, Ганна – 42 гады, Міхаіл – 20, Анатолій – 10, Валя – 6, Афанасій – 40, Дар'я – 35, Таня – 10, Віця – 6, Шынкевіч Яўгенія – 24, Іван – 32 гады, без імя – 1 дзень".

Якую трэба мець звырыную натуру, каб не пашкадаваць нават дзіця, якому споўніўся 1 дзень. Не кожнаму і зверу гэта пад сілу.

...Ужо на другі дзень, пасля гэтай жудаснай трагедыі, Валодзя быў на папалішчы. Ён у той час з'яўляўся сувязным партызанскага атрада імя Катоўскага брыгады імя Ленінскага камсамола. Разам з дзядзькам ён хадзіў і шыў кажухі, касцюмы. Краўцы былі жаданымі гасцямі ў кожнай хаце. Яны не выклікалі падазрэння ў немцаў і перадавалі ў атрад каштоўныя звесткі.

Даніловіч добра ведаў і жыхароў вёскі Зінякі. Таму яшчэ большыя боль і роспач ахалілі яго ад страты.

Пабываўшы на папалішчы, Валодзя пайшоў да камандзіра атрада і папрасіў залічыць яго ў партызаны і выдаць зброю.

– Буду помсціць фашыстам! – цвёрда заявіў ён. Камандзір паглядзеў на пасуроваўшы твар юнака і зразумеў, якая лютая ненавісьць гарыць у ягоным сэрцы.

Так Валодзя стаў партызанам. Ён прымаў актыўны ўдзел у розных аперацыях. А калі прыйшла Чырвоная армія, стаў салдатам. Ён ваяваў на І-шым Беларускам фронце.

Шмат жыццяў узяло страшэннае жэрпа вайны. Нямала страціў у жорсткіх баях сваіх таварышаў і Даніловіч.

У адным з баёў амаль побач з ім разарваўся снарад. Два асколкі трапілі ў нагу, трэці – рэкашэтам прайшоўся па галаве, а чацвёрты – засеў у грудзях. На шчасце ва ўнутранай кішэні юнака знаходзіўся скураны кашэль, у якім захоўваліся дакументы. Яго асколак прабіў амаль наскрозь. Свой палёт ён спыніў толькі на апошняй вокладцы. Гэта і выратавала салдата ад смерці.

Амаль 18 месяцаў праляжаў Даніловіч у шпіталі. Нага ніяк не загойвалася. Урачы вырашылі яе ампутаваць. На гэта хворы не даў свае згоды. Яго ізноў адправілі на аперацыю.

Перамогу Валодзя сустрэў у шпіталі. Колькі радасці было! І слёз таксама. Ён даведаўся, што на фронце загінуў яго брат Міша.

Нагу Даніловічу не аднялі. Дамоў ён вярнуўся без кашталёў.

Нейкі час працаваў у калгасе бухгалтарам, а за-

тым – конюхам у ветчастку, санітарам. Завочна закончыў Ваўкавыскі зааветэхнікум і амаль чвэрць стагоддзя быў ветфельчарам. Днём і ноччу звярталіся людзі да яго за дапамогай. Яны атрымлівалі яе.

Ажانیўся Валодзя на вясковай прыгажуні Алене, якая працавала ў паляводстве ў калгасе імя Някрасава. Сваімі сіламі пабудавалі дом у вёсцы Нарашы, у якім пасяліліся радасць і шчасце. Тут Даніловічы выгадалі сына Валодзя і дачку Нілу. Сын працуе майстрам у адной з будаўнічых арганізацый, а дачка – эканамістам. Дзве ўнучкі вучацца ў інстытутах. Нярэдка яны наведваюць дзеда і бабулю, дапамагаюць у вядзенні хатняй гаспадаркі. Нядаўна прыязджала Таня, каб адпавіць "калейку".

Некалькі гадоў таму назад Уладзіміру Аляксандравічу быў аказаны вялікі давер: яго абралі старшынёй Савета ветэранаў вайны і працы. Цяпер, як кажуць, пад апекай Даніловіча знаходзіцца 13 інвалідаў і 22 удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны. Ён стараецца праяўляць аб іх пастаянны клопат.

...Пякуць франтавыя раны і даймаюць мукі інваліда другой групы Вялікай Айчыннай вайны Уладзіміра Аляксандравіча Даніловіча. Ён нахіліўся ля цэментнай сцяны і паклаў палымнеючыя кветкі. Ціха звякнулі баявыя ўзнагароды: ордэн Айчыннай вайны I-ай ступені, медаль "За баявыя заслугі" і іншыя. У вачах былога салдата застылі скупыя слёзы.

А.КАВЕЛІН.

На здымку: У.А.Даніловіч.

Фота С.ЯХІМЧЫКА.

1/11 - 98

Торжественный салют у монумента.

22 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА
НЕМЕЦКИЕ КАРАТЕЛИ ЗАЖИВО СОЖЛИ
РАССТРЕЛЯЛИ 419 МИРНЫХ
ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ ЗИНЯКИ

ОНИ НЕ ПОМНИТ
НИ ЭПОХЕЯНИИ
И ВСЕИ
НАШЕЙ ЗЕМЛЕ
ФАШИСТЫ ПОСТРОИЛИ ЧУДОВИШНЫЕ ПАГЕРЯ СМЕ
ЛЮДИ ПОГИБЛИ В НИХ
НЕПОКОРЕННЫМИ
С ТВЕРДОЙ ВЕРОИ В ПОБЕДУ СВОЕЙ МАТЕРИ —

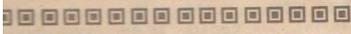

22 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА
НЕМЕЦКИЕ КАРАТЕЛИ ЗАЖИВО СОЖЛИ
РАССТРЕЛЯЛИ 419 МИРНЫХ
ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ ЗИНЯКИ

Во время митинга и после него.

МІХАІЛ ЖУР «Я ГЛЯДЗІ СМЕРЦІ У ВОЧЫ»

Відаць, было лёсам навана выжыць. Я ў той начаваў не дома, а ў сям'і ў Карпанаўцах. І там я неспакойна: папаўзла чышто па ўсіх вёсках агні Зінякоў немцы фурі сабралі. «Значыць карпаход супраць Зінякоў малі» — вырашылі мясцяляне. Я хацеў бы каб папярэдзіць, але с на шыю кінулася, пла маліла:

— Не хадзі туды! Не выратуеш, а сам загінеш. Потым усё ж не ведаю — пабег. Толькі ўжо было. Здалёк бачылі да нашай хаты немцы і шлі — дзевятнаццаць чышто, пагналі маіх: бамаці, сястру, сямігадзя пляменніка. Скаціну забралі, курэй лавілі. Гадзіны такія былі. Пачым вёску падпаліць, няхітры сялянскі ўжгрузілі на загадзя падраныя фурманкі. Хто імкнуўся адкупіцца ад смерці. У Івана Шалешкі прызалаты гадзінік быў прапанаваў немцам узяць на тое, каб адпусцілі. Гадзінік фашысты ўзялі, а чалавек усё ж забілі. Што й казверы...

У час дня наша хата запалала. А людзей, сагнутаў у пуні, у чатырох мінутах палілі. Хто імкнуўся ўцякаць у таго стралялі. Бог ты ды хіба перакажаш, а я ў тыя гадзіны перадаў Пэўна, такі ж па сілах шэўце — бэй адгаворы і пакутнікі ў агні.

Як мой лёс далей сфармаваўся? Доўга хаваўся ў лесе. Потым партызан знайшлі. У якія толькі перапад трапляў! Столькі раз бываў валаску ад смерці. Вызвалення далучыўся да арміі, на фронт пайшоў.

Газета друкуецца афсетным спосабам у Гродзенскай абласной ўзбудзіннай друкарні ўпраўлення інфармацыі Гродзенскага аблвыканкома. Гродзенская абласная ўзбудзінная типографія ўпраўлення інфармацыі Гродзенскага аблвыканкома.

ТЭЛЕФОНЫ РАДАКЦЫІ: рэдактара — 2-19-34, гора — 2-17-49, адказнага сакратара — 2-19-34, бухгалтэрыі — 2-15-41, сельскагаспадарчых газет — 2-19-34.

Аўтары надрукаваных матэрыялаў нясуць адказнасць за набыццё і адраснае прызначэнне фактаў. Рэдакцыя не прымае адказнасці за адраснае прызначэнне, не падзяляе пуніку імяў і прозвішчаў амерыканцаў, не прымае адказнасці за адраснае прызначэнне. Наш АДРАС: 231810, Гродзенская вобл., г. Пінчын, вул. Ластаў, 5. 231810, г. Пінчын, вул. Ластаў, 5.

«Пінс» — Шчучынская раённая газета. Шчучынскі раёны Совет народных депутатов і трудовой коллектыва газета выходзіт на беларускамоўным мове два разы па вторнікам і суботам. Газеты — адны печатныя лісты.

Рэдактар К. А. КЛЕВАН.

Аўт., від быў набіты ашчэ ў «Застойна» часы, і сёння дзекімае, «як гадзінік». Штодня асноў выхадзіць 6-8 тысяч блішанак кансерваў. На замякцы аператары лілі на вырабы мясных кансерваў Ганна Абрахіна і сэрвай Ганна Абрахіна і смерца Паўл. Фота С. ХАЛДЗІНІНА, БЕЛІНФАРМ.

ЯНЫ — З ВОГНЕННЫ

МІКАЛА

«Я І САМ НЕ ВЕД ЯК ВЫЖЫЎ»

Мне тады было ўсяго дванаццаць гадоў, але дзіцячая памяць захавала жахлівія карціны таго страшнага дня. . . Трывожная раіца. Па вясковай вуліцы грываюць фурманкі. З хаты ў хату шныраюць немцы. Мы хоць і малыя, але разумеем: штосьці не тое робіцца, чытаем невы адчай у вачах бацькоў. Дарослыя ж імкнуча нас супакоіць, з нейкай натугай прымушаюць сябе занеца прывычнымі сялянскімі справамі. Бацька пайшоў карову карміць. Маці печ распаліла, сьняданак мелася гатаваць. І тут... лязг у дзверы. У хату зайшлі солтыс і нямецкія адіцэры.

— Дзе твой гаспадар? — пытаюцца ў мамы.

— У хляве.

— Скажы яму, някай запрагае каня — павязе нас, — дае распараджэнне солтыс.

Маці глядзіць на яго напружана-засцярожлівым нервовым позіркам, здаецца, у самую душу пранікаючы і адважваецца на галоўнае пытанне:

— А што з намі бузе?

Солтыс адводзіць вочы і ціха кажа:

— Дрэнна будзе... Будучь біць вас... Вёска акружана.

Болей наша сям'я ўжо ніколі не сабралася разам. Пасля таго, як бацька на фурманцы павёз фашыстаў, магула пацалавала кожнага з нас і са слязьмі прызналася ў горкай праўдзе:

— Дзеткі, не пільнуйцеся мяне. Расходзьцеся, хавайцеся. Мо хоць хто застанецца ўжывых.

Сястра пабегла людзей, але пэўна засаду, бо потым сакралася. Я ж з суседняга дома, людзей, як плакалі кабеты. Ад босякі. Мо гадзіну сядзеў мо болей. Душу матыня чэргі, ад фашыстаў. Потым уляглося і я рывасаво сховішча. Н адыйшоўся і бач Запалілі нелюдзі!

На водзьбе гу залез, у лубін заха надумай падацца. І як немцы мяне засталі. Уцякаў, каб куля не трапіла што мною кіраваліся. Пэўна, бо ўсё ж дабег. А т сунуліся, бяліся.

Бацька мой застаўся. Калі ад немцаў, солтыс яг у Зінякі. Сказаў: у мяне, бо з вёс выжыве. Так яно сваякі нашыя ў аг адзін я такі? Ту зайдзі, і ва усіх людзі, якія нявінкую смерць у агн жыць з такою не гэтага часу не маг пра вайну, не люб рвуць душу на ка

Міхал, Зінякі, Якубавічы... Хто на не вылі прабачы лёс гэтых вёсак — Вясення з іх адбудваліся, травы на вясковых раінах на цэле зямлі, але і вясковыя раіны ў сэрцах людзей, хто несправядліва б'юць у душах блізкіх і братэй, сястры бязлітасна і фанасіі душы тубамі? ! Амаль прайшоў час вызвалення роднай зямлі ад італьянскіх і сённяшніх дзён вясковых раінах сарца скруха, хадзіць па вясковых ахвярах. Рэдкая гора марочнасці таар тутэйшых іх расказам пра даўнейшыя падзеі, іх вочы, дзакі ўсплі вырываюцца іхны ўрады былі сведкамі жудаснага іхна.

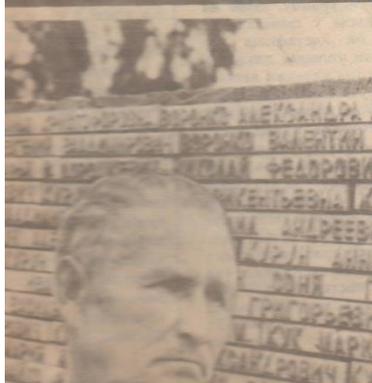
Пра гэты павіны ведаць новыя іхны, каб жорсткі ўрок гісторыі кануў у іхны ў Зіняках, ходзім па вуліцах, абачнай пачаткай вечнай журботы, іхны варады памяць сэрца. З гэтых газет сёння з горыччу успамінаюць іудам уцалеўшыя жыхары Зінякоў.

Пра тое, што пачалася вайна, зінякоўцы даведаліся не з інфармацыйных зводак — радыё ў той час ні ў каго ў вёсцы яшчэ не было. Вайна ў першы ж дзень уварвалася да іх разам з ровам нямецкага самалёта, які, бы чорны воран-прадвеснік вялікай біяды, праляцеў над мірнымі страхамі і абстраляў у Астрыне людзей, што сабраліся на кірмашы. Плакалі жанкі, з панурымі тварамі хадзілі мужчыны: што-та будзе, як далей жыць? У час фашысцкай акупацыі Зінякі сталі месцам, дзе заўсёды знаходзілі прытулак партызаны.

Уласна кажучы, таму і стала вёска вогненнай заложніцай. А яшчэ тут памятаюць, як у 1943 годзе праз Зінякі ішоў атрад Капусты, баі і перастрэлкі, аблавы і пастаяннае прадчуванне страшнай біяды.

Апошняя звалілася на вяскоўцаў 22 студзеня 1944 года, пасля таго, як партызаны абстралялі нямецкую легкавушкі і захапілі далёка не радавых гітлераўцаў. Расплата жлягла на мірных жыхароў. Несправядліва. Жудасна. Страшна. Гэта была помста дзюжнокіх звяроў, бо тыя, хто ўправе называе сябе людзьмі, ніколі б не дадумаліся да такога.

Як усё адбывалася? Пра гэта на старонках нашай газеты сёння з горыччу успамінаюць іудам уцалеўшыя жыхары Зінякоў.

НІ ДАРАВАЦЕ НІ ЗАБЫЦЬ НЕЛ

У Зіняках мы сустрэліся са многімі вяскоўцамі — сведкамі страшнай трагедыі, якім удалося выжыць. Слухаючы іх у душы паўставала немае пытанне: за што, за якія грахі лёс паслаў людзям такіх выпрабаванні, страшныя, нечалавечыя? Так, яны выжылі, але якой цаной!

У адным з маналогаў прагучала такая фразе: «На вайне толькі першы дзень страшны, а потым чалавек робіцца драўляным!» Ад гэтых слоў стала не па сабе. Але, пэўна, толькі ў такім стане, калі душа ўжо не выплывала ні эмоцыяй, ні слёз, можна было глядзець на ўсё, што рабілася вакол на роднай зямлі, мірыцца са стратай блізкіх і родных людзей. Скажыце, ці хапіла б слёз юнаку Аляксандру Куцу, каб выплакаць сваё гора — у той дзень, 22 студзеня 1944 года, у яго не стала бацькоў. Разам з маці і бацькам у агні загінулі і сям'ера сваякоў, якія прыехалі з вёскі Сухары да іх пагасціць. Саша і тры яго сястры выратаваліся бо хаваліся ў «схроні» — у сховішчы, што было выкапана пад хлявом. Больш сутак прасядзелі там. Хацелася вады, было спякотна. Немцы запалілі хлёў, і ў сховішчы стала немагчыма дыхаць. Саша выбіў некалькі дошкаў, дзючаты прыпалі да шыялі і хапалі трамі гарэчае

ў Зіняках 22 студзеня 1944 года. Вось якую ж расказалі нам Аля і Волга Пятроўна. Падобны лёс аднаго зінякоўца — Паліўку. Вось у той дзень, калі ў Зіняках.

— Раніцай ба братам павялі на гасціла мая 12-ці сястра са сваёй вёскай. Вось маці раптам убягае ў вёсцы! Усё, загі Лезьце ў схроні.

Не ведаю, шале закрычаў: «ўцякаць хутчэй!» дзючынку і сіл Бабуля дзючынкі з намі, засталася гародамі прабіра сядзі плот новы зямлі ляжалі, дступалі, каб сляда ся ад хаты, сяс пакунула! Ах, бы у вочы глядзіць хусткай. Але ж чаўся за хуст пранесла, выр

„Я з вогненнай вёскі“

Здарылася гэта марознай зімовай ноччу 1944-га. Вёска Зінякі спала спаконным сном. Ніхто не падозраваў аб тым, што набліжаецца біда.

А тым часам з боку Берштані і Нярнічоўшчыны рухаліся варнікі. Яны акружылі вёску, выгналі з хат усіх жыхароў. Тых, хто спрабаваў супраціўляцца, расстрэльвалі на месцы.

Раніцай на месцы Зінякоў дымілася папялішча. 419 мірных жыхароў — жанчын, старых, дзяцей — згарэлі ў агні.

Цудам застаўся ў жывых у той жудасны дзень Міхаіл Іосіфавіч Журун. Здаецца ён бачыў, як выводзілі з хаты бацьку, маці, сястры, брата з маленькім шасцігадовым сынам, суседзяў. Ад болю і роспачы разрываўся сэрца. Але што ён мог зрабіць, чым дапамагчы?..

Адразу пасля вызвалення —
васемнаццацігадовы

юнак пайшоў на фронт. Ваяваў у 408-м палку 2-га Беларускага фронту. У канцы студзеня 1945 года ў адным з баёў быў цяжка паранены. Пасля шпіталью, атрымаўшы 2-ую групу інваліднасці, вярнуўся дамоў. Хоць і нядоўгім быў баявы шлях Журуна, але Радзіма высока ацаніла яго. Сярод іншых баявых узнагарод франтавіка — ордэн Чырвонай Зоркі і медаль «За адвагу».

Міхаіл Іосіфавіч часта выступае перад школьнікамі і тымі, хто прыязджае наведваць месца, дзе некалі была вёска. Жывы, няўрымслівы, былы салдат па-ранейшаму не застаецца ў баку ад калгасных спраў. Улетку яго можна ўбачыць на сенажаці, на жніўе. Да думкі Міхаіла Іосіфавіча заўсёды прыслухоўваюцца вясцоўцы.

Митинг, посвященный
45-ой годовщине трагедии
в д. Зінякі.

ДАКРАЊУЦА ДА ПАМ'ЯЦІ

22 студзеня ў вёсцы Зінякі ля мемарыяльнага комплексу адбыўся мітынг-рэквіем з нагоды 60-годдзя трагедыі, што адбылася тут у студзені 1944 года. З усяго раёна сабраліся сюды прадстаўнікі працоўных калектываў, ветэраны, моладзь, школьнікі, каб ушанаваць памяць сваіх землякоў, якія сталі ахвярамі нямецка-фашысцкіх захопнікаў. 419 чалавек, сярод якіх дзеці, загінулі ў агні пад кулямі чужынцаў.

Сюды, праз 60 гадоў прыйшлі людзі, каб пакланіцца шматпакутнай вёсцы. І праз шэсць дзесяткаў гадоў цяжка ўсвядоміць, адчуць жудасную, жахлівую трагедыю.

Вядучая прадастаўляе слова старшыні райвыканкама С.І. Ушкевічу.

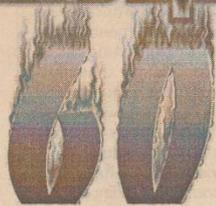
У гісторыі кожнай дзяржавы, сказаў Сяргей Іосіфавіч, ёсць падзеі, якія на многія гады застаюцца ў памяці нашчадкаў, як сімвалы патрыятызму, грамадзянскасці. Для беларускага народа такой падзеяй стала Вялікая Айчынная вайна. Дзень 22 чэрвеня 1941 года стаў вялікай трагедыяй для кожнага савецкага чалавека. У тую далёкую нядзельную раніцу нямецка-фашысцкая Германія напала на нашу мірную краіну.

З першых дзён фашысцкага нашэсця краіна ператварылася ў адзіны ваенны лагер. Жыхары гарадоў і вёсак ішлі ў ваенкаматы, каб адтуль адправіцца на фронт. А тыя, хто заставаўся ў тыле, працавалі за дваіх, за траіх, каб даць усё неабходнае фронту.

Вельмі цяжкімі былі першыя дні і тыдні Вялікай Айчынай. Няледзячы на гераізм, самаахвярнасць воінаў Чырвонай Арміі, патрыётаў, фашыстам удалося акупіраваць Беларусь. Згодна плану фашыстаў прадугледжвалася высяліць насельніцтва з Польшчы і Заходняй часткі Савецкага Саюза і пасяліць тут 10 мільёнаў немцаў, частку насельніцтва анямечыць.

У пачатку 1942 года фашысты мелі намер вывезці на прымусовыя работы ў Германію з акупіраваных абласцей СССР 15 мільёнаў чалавек.

Адным з важных састаўных акупацыйнай палітыкі на тэрыторыі Беларусі з'яўляўся тэрор. Вобыскі, арышты, экзекуцыі, забойствы, рабаўніцтва сталі пастаяннай і масавай з'явай. У ліпені 1941 года ў Шчучыне фашысты расстралялі 300 савецкіх ваеннапалонных, у верасні ў в. Лычкаўцы расстралялі 48 ваеннапалонных. Для насельніцтва ад 12 да 65 гадоў акупанты ўвялі пра-

ГАДОЎ ТРАГЕДЫІ, НАПАТКАЎШ ВЁСКУ ЗІНЯКІ І ЯЕ ЖЫХАР

Па г
ве С.І.
ўд з е
мітынг
ма ўш
памяц
шых
маўча
Ста
раёна
зацыі в
П.І. П
адзна
сваім
ленні,
ка, вел
ка вы
гаварі
вялікія
сярод
жыхар
вайны,
нельг
чаць.
пакут,
гедыі
нямец
шысц
хопнік
торык
русі! Г
не вед
ней та
чынна
тасці. З
кай жо
яны р
палілі
стрэль
чым н
тых м
хароў,
людзе

манды, тайная палявая паліцыя, СД, іншыя органы, якім была характэрна асабліва жорсткасць.

Каб зламаць супраціўленне насельніцтва, ізаляваць яго ад тых, хто змагаецца з ворагам, знішчыць партызан, пастаянна праводзілі карныя аперацыі.

Страшны след пакінула вайна ў гісторыі Беларусі. Немцы знішчылі 2 мільёны 200 тысяч мірных жыхароў. На франтах загінулі 320 тысяч нашых землякоў, 45 тысяч беларускіх партызан загінулі ў барацьбе з ненавісным ворагам. Каля 380 тысяч жыхароў Беларусі былі вывез-

Шчучыне і г.п. Жалудок. У маі 1943 г. у в. Васілішкі расстралялі больш за 2000 мірных жыхароў. 22 снежня 1942 г. карны атрад ворага акружыў вёску Якубавічы і расстраляў 27 жыхароў. У лютым 1943 года гітлераўцы расстралялі 147 жыхароў в. Агародзішча, вёску спалілі.

22 студзеня 1944 года, роўна 60 гадоў назад, нямецка-фашысцкімі захопнікамі была ўчынена адна з самых страшных трагедый на тэрыторыі раёна. На досвітку карнікі акружылі вёску Зінякі, сабралі ў дзве групы жыхароў. Зверствы фашысты пачалі з дзяцей, якіх расстрэль-

таржныя работы ў Германію. 22 студзеня 1944 года 800 акружылі вёску Зінякі, з а жорсткасцю расправіліся: жыхарамі.

І гэта для акупантаў была ная практыка. Такі ж лёс жыхароў вёскі Агародзішча. Прамоўца звярнуўся да з заклікам быць пільнымі, і сваёй працай краіну, капусціць нічога падобнага ў

Сведка жудасных падзеяў вёскі Зінякі М.І. Журун у іроткім выступленні сказаў дзячэнска ўдзельнікам м

22 студзеня 1944 года фашысты спалілі вёску Зінькі Шчучынскага раёна. Так жорстка яны адпомсцілі зінькоўцам за сувязь з партызанамі. У поўным агні загінулі 419 чалавек.

“Смерці глядзелі ў вочы, але Бог нас збярэ!”

Хата Мікалая Іванавіча і Ніны Піншэвічы Журуноў – акурат наспраць велічнага мемарыяла, узведзенага ў памяць пра бізніна загінуўшых жыхароў вёскі. Мікалай Іванавіч – адзін з нямногіх, каму пашчасціла застацца жывым пасля жудаснай студзенскай трагедыі. За шэсцьдзесят шэсць год ён не адну сотню разоў расказаў вогненную гісторыю вёскі турістам, школьнікам, журылістам. І гатовы ў чарговы раз адкрыць душу...

– Мне тады было дванаццаць год, – успамінае Мікалай Іванавіч. – І жылі мы не тут, а крыху далей. Бачыце халм ля магутнага вязы? Там спяла наша хата... Уранку 22 студзеня 1944 года па вуліцы грывелі фурманкі, брахалі сабакі, чуліся лямонт і вокрыкі на чужой мове. Мы хваля і малілі быць, але разумелі, што набліжаецца нешта страшнае. Мама пач рапавала, мелася сніданак гатаваць. У хату уваляўся саліны дзядзька Мікалай з чужынкамі і запытаў, дзе бацька.

– Да зумна пайшоў кароў карміць, – адказала мама.

– Няхай запрагае коня, павязе нас, – перадаў загад немцу саліны.

– А што ж нам будзе? – спыталася ў яго мама.

– Дрэмна будзе... Віць вас будучы...

Бацька мусіў адправіцца разам з асобам, а маці сабрала нас, пачалавала і наказыла разбязіцца: “Не пільніцеся мяне, хавайцеся. Можна, хоць хто жыць застаецца!”

Я схавалася пад страху суседняга дома, некалькі гадзін сядзеў там. Чуў, як зганялі людзей, як плакалі дзеці, крычалі жанчынны. Чуў аўтаматныя чаргі, вокрыкі фашыстаў. Калі ўсе крыху прыціхла, вылез са сховішча і пабег. Азіраўся, бачыў, як палалі саламяныя дахі. Страх паралізаваў, але прага да жыцця была мацней за яго. Я схавалася ў гумне, што на водчыбе стаяла. А потым пабег да лесу. Немцы мяне заўважылі і пачалі стрэльваць. Якім чынам ад кулі выратаваўся, аднаму Богу вядома. Нарэшце выгэб на дарогу, да нейкага дзядзькі на воз ускарабаўся. Той давез мяне ў Нарачы да сваяго. Туды на наступны дзень і бацька прыйшоў. Ён выратаваўся такія дзюжычы талму, што ў абозе быў. Астатнія мае родныя загінулі ў агні. З чыварных дзюжыч жывым застаўся толькі я адзін...

За што? Падчас фашыскай акупацыі Зінькі сталі месцам, дзе знаходзілі прытулак партызаны. Наявраздлікі трагедыі яны абстралялі немцаў легкаваўшкі і захвалілі ў палон некалькі гітлераўцаў. Карнікі па слядах выйшлі да вёскі і вырашылі паквітацца з мірнымі жыхарамі. Лютавалі. Палілі людзей адразу ў некалькіх гумнах.

– Некалькі жынчы з накой ношай у сарцы, – гаворыць Мікалай Іосіфавіч Журун – яшчэ адзін зінькоўца, якога лес убарог да жудаснай гібелі. – Ноччу на 22 студзеня я ў сестры ў Карпа-

Сястра Хатыні

Жменька Зінькоўцаў, нібы адна сям'я

“Вайна не адпуская”

У любую хату заходзь – знойдзеш тых, чые блізкія пад мемарыялам спачываюць. Пякельнае палымя праглынула цэлыя радзіны: Журуны, Куцы, Майкові, Паліўкі, Шалешкі, Дарашкевічы, Ушкеевічы, Шадуры, Вароні і многія іншыя...

– Мужык мой дагтуць па начах прычынацца, плача, – прычынацца Валентіна Мацвееўна Журун. – Колькі часу прайшло, а душа ўсё баліць... Разам з Мікаілам Іосіфавічам

наўцах застаўся. Там таксама было неспакойна. Чуткі паўлі, што карнікі нешта супраць Зінькоўцаў задумалі. Хацеў раніцай бежы дамоў, ды сестра на шыю кінулася, плакала-маліла, каб не хадзіў: “Ім не дапаможаш, і сам прападзеш”. Але ж не ўцягнуў – пабег. Ды позна! Карнікі жыць з ночы Зінькі акружылі... Я адваляўся з зорачкі, бачыў, як да нашай хаты немцы прыйшлі, як зганялі людзей, скаціну забралі, курэй лавілі. Перш чым падпаціць вёску, увесь нажытак пагарзлі на загады падрыхтаваных фурманкі...

Наша хата запалала апоўдні. Людзей, сазаных у гумны, палілі ў чатырох месцах. Хло спрабаваў уцячы, у таго стралялі. Маё сэрца абвалілася крыўей. Дзвалася, я сараў разам са сваімі блізкімі і землякамі ў тым пекле...

Мікалай доўга хавалася ў лес. Потым далучыўся да партызанай. Пасля вызвалення Беларусі пайшоў на фронт. Шмат разоў быў на вадаску ад смерці. Быў цяжка паранены, лечыўся ў шпіталі. Мае ўзнагароды – медаль “За адвагу”, ордэн Чырвонай Зоркі і шмат іншых.

Жудаснага пекла цудам пазбеглі Аляксандр Куц і ягоняныя тры сястры – бацькі схвалі іх у схрон (сховішча пад хлявом). Цудам выжыў і Іван Паліўка, які з матулі і стрывечнай сястры здалеў гарадзкі прабрацца да лесу і схавалася ў суседняй вёсцы. Тых людзей ужо няма на свеце, яны давалі да старасці з грузам цяжкіх успамінаў, якія ніколі не давалі спакою...

Мемарыяльны комплекс у Зіньках

Сяргей ШЫНКЕВІЧ прышоў паклікацца сваім родным

яны пражылі шэсцьдзесят тры гады. Трымаюцца адзін другога моцна, шкадоўць. Траіх дзетак на ногі паднялі, шасцера ўнукаў маюць, чышчэра праўнукаў. Гэта іх галоўнае багацце.

– Час сідзець з памяці непатрэбнае, нявжанае, – раскавае 95-гадовы Сяргей Андрэевіч Шынкевіч, які жыў на хутары ля вёскі. – Але пра трагедыю Зінькоўцаў забіцца немагчыма. Быццам усё было толькі Учора... 22 студзеня 1944 года Сяргей Андрэевіч страціў жонку, усю не радно і днаі сваіх дзетак. Не маўляў-сьнюк налярададлі толькі з'явіўся на свет, нават імя даць

Мікалай ЖУРУН зноў і зноў перачытвае дарагія прозвішчы

Чорная стужка ў барозных космах

не паспелі... Нікога не пашкадавалі нелюды.

Мужчына часта прыходзіць сюды, да мемарыяла. Успамінае. Разважае. Плача. Раскавае родным пра ўсё, што робіцца на свеце. Па сваёй радзіне ён нават асобны помнічак паставіў. Сам пражыў нелёгкае, поўнае выпрабаванняў жыццё. Партызану. А пасля вызвалення Беларусі разам з землякамі рушыў на выправаннне жыццё партызану. А пасля вызвалення Беларусі разам з землякамі рушыў на фронт. З баямі дайшоў да Берліна. Быў цяжка паранены, Узнагароджаны ордэнам Вялікай

ва вадзіць рукой па выбітых на абеліску радак. Яму даўно ўжо не трэба перачытваць літары на мемарыяльнай пліце. Ён ведае іх на памяць. Гэта ж жа, як і іншыя выскоўчы.

Пасля трагедыі ў Зіньках выжылі ўсяго дваццаць тры яе жыхары. Хтосьці падчас бяды знаходзіўся ў суседніх вёсках, хтосьці схавалася ці ўнек. Але дзіўная рэч – пасля ўсяго пера-жытатга яны вярнуліся на родныя палічкіна: разам гарвалі і... будавалі новыя жынчы, на-раджалі дзетак, саджалі дрэвы, расцілі хлеб. Травы і кветкі зацігнулі выпаленыя раны на цэлы зямлі. Але нават працяглы час не залечыў раны на сэрцах людзей, якія страцілі свае сям'і.

Зараз Зінькі моцна пастарэлі. Тут засталася ўсёго дваццаць жыхароў – пераважна старэйшыя і нямоглыя людзі.

Разам яны, бы Айчынай вайны і шматлікімі медалямі, сярод якіх самая дарагая – “За перамогу над Германіяй”.

Маё персанальнае падзяку ад Маршала Савецкага Саюза Г. Жукава, мноства Ганаровых грамад, якія захоўвае акурат з 1945-га. Па гэтых пажоўк-лых ад часу, але бесчын-ных “дэталістаў” гераізму нашых землякоў увогуле і Сяргея Андрэевіча Шынкевіча ў прыватнасці мож-на вывучыць гісторыю Вялікай Айчынай.

– Канешне! – кажуць яны. – Што ж нам дзвіліць? Ужо ўсё даўно падалі і ўсе крыўды ад-няў друтым прабычылі...

– Дружна жывіце? – пытаюся ў выскоўцаў.

– Канешне! – кажуць яны. – Што ж нам дзвіліць? Ужо ўсё даўно падалі і ўсе крыўды ад-няў друтым прабычылі...

...У космы ажміўшы пасля зімы барозкі, што расце ля ме-марыяла, нехта ўплёў чорную стужку. Напэўна, дзеці. Школь-нікі раёна прывядзюць сюды, каб навеці парадак, успомніць землякоў, знішчаных у бізлітас-ным агні ў студзені 1944-га, ук-ласці кветкі і проста пахадзіць па вёску, адзначанай пячаткай вечнай журбы. Тут нават бусы не вядуцца. Прывітаць, паку-жаць-пакружаць над хатамі, дый ляшчэ далей...

На Шчучыніччыне ў гады вай-ны ад рук фашысцкіх карнікаў загінулі 6 593 мірных жыхары. Трагічны лёс Хатыні і Зінькоў раздзілілі жыхары вёсак Ала-родзічча, Маталі, Лубавічы, Светлая і паміць. Вечны спа-чын.

Ала БІБКАВА

Дзяліца, 25.01.2014

Сцежка памяці вядзе ў зінякі

Насустрэч 70 годдзю
вызвалення Беларусі
ад нямецка-фашысцкіх
захопнікаў

22 студзеня ў Зіняках прайшоў мітынг, прысвечаны памяці ахвяр трагедыі, якая адбылася 70 гадоў назад. Гэта шматпакатная вёска раздзяліла лёс Хатыні. 419 зінякоўцаў і 65 жыхароў іншых вёсак былі зажыва спалены фашыстамі.

Каб аддаць даніну памяці бязвінна загінуўшым, сюды прыйшлі кіраўнікі раёна, ветэраны, прадстаўнікі працоўных калектываў, вучні Астрынскай СШ імя Цёткі, моладзь, мясцовыя жыхары. Усіх аб'яднала агульная горыч страты.

— Я тутэйшая, зараз жыву ў Гродне, — расказавае Т.А. Майко. — У гэты дзень не магла не прыехаць у родную вёску. Мой бацька, Аляксей Хрыстафоравіч Баранко, быў у ліку тых, каму судам удалося выжыць у той страшны дзень. На жаль, яго ўжо няма з намі. Пасля гэтай жудаснай трагедыі бацька пайшоў на фронт, вярнуўся да Берліна. Ён часта дзяліўся з намі тымі страшнымі ўспамінамі. У дзень трагедыі загінулі многія нашы родныя. Бацька расказаў, як яго сястра, якая была яшчэ зусім маленькай дзевяцінай, кінулася ўлякаць, але фашысты праткнулі яе віламі і кінулі ў агонь. Гэты боль будзе заўсёды з намі. Я памятаю той дзень, калі адбылося перазахаванне астанкаў спаленых людзей. Успамінаю аб гэтым, і зараз слёзы набягаюць на вочы.

— Тут загінула многа родных майго бацькі, Івана Максімавіча Майко, ён быў з суседняй вёскі, — дзеліцца М.І. Майко. — Таму я добра ведаю гэтыя мясціны, людзей. Падчас працы ў ка-

Намеснік старшын райвыканкама Г.С. Хведзюк і старшыня раённага Савета дэпутатаў І.Ю. Сакалоўскі ўскладаюць кветкі да мемарыяла

... Вогненная трагедыя болей адгукаецца ў сэрцы кожнага. Журботна схіліўшы галовы стаіць людзі. Гарачэ лампадкі... Праявілі на гучачэ словы вядучых А.К. Барановскай і І.С. Кандратовіч.

— Трагедыя ў вёсцы Зінякі — гэта адзін з тых фактаў, якія сведчаць аб мэтанакіраванай палітыцы генацыду, праводзімай фашыстамі, — падкрэсліў у сваім выступленні І.Ю.Сакалоўскі, старшыня раённага Савета дэпутатаў. — На тэрыторыі Беларусі было створана 260 лагераў смерці, за час акупацыі фашысты правялі 140 карных аперацый. У гады вайны немцы спалілі 628 вёсак. На тэрыторыі Шучыншчыны фашыстамі было знішчана звыш сямі з паловай тысяч палёз. Нашы землякі ацалі самае ла-

ветэраны. — Большасць насельніцтва гэтага краю была ў партызаных, астатнія дапамагалі народным месціўцам. Таму фашысты з лютай нянавісцю здэкаваліся над мірнымі жыхарамі. Памяць аб загінуўшых земляках заўсёды будзе жыць у нашых сэрцах.

Падкрэслілі жалобную атмасферу творы, выкананыя ансамблем духоўнай музыкі "Прэображэнне". Ганаровую вахту неса мабільная група пагранзааставы "Парэчча".

— У Астрынскай СШ імя Цёткі праводзіцца вялікая работа па патрыятычным выхаванні моладзі. У нас дзейнічае краязнаўчы гурток "Радзімічы", — расказавае Ю.Р. Скарынка, кіраўнік гуртка. — Работы актыўна ўдзельнічаюць у патрыятычных акцыях — такія, як "Ветэран", "Абеліск", і многіх іншых, займаюцца добраўпарадкаваннем памятных месц. Трэба захаваць памяць аб вайне, каб такое не паўтарыла-

Юныя патрыёты Астрынскай СШ

Хлеб памяці прымае карэнны жыхар Зінякоў М.І. Журун — ветэран Вялікай Айчыннай вайны

Удзел у мітыngu прымаў сведка той жудаснай трагедыі М.І. Журун.

— Дзень 22 студзеня 1944 года раздзяліў жыццё майго бацькі на "да" і "пасля", — расказавае яго дачка, Лілія Міхайлаўна. — На той момант тату не было яшчэ і 19 гадоў. Цудам яму удалося пазбегнуць смерці. Пасля гэтай трагедыі бацька пайшоў на фронт, каб адпомсціць за смерць сваіх бацькоў, брата, сястры, сваіх аднавяскоўцаў. Малады куля-

Як не апакваць самых блізкіх?

мётчык не шкадаваў слёз, імкнуўся быць заўсёды на перадавой. У адным з баёў на тэрыторыі Польшчы быў цяжка паранены. Другіх шасць месяцаў праваў у шпіталах. Дамоў вярнуўся інвалідам, але ўсё сваё жыццё працаваў у калгасе, выкаваў трай дзяцінь.

Лілія Міхайлаўна жыве ў абласным цэнтры. У гэты дзень прыехала сюды разам з сынам. Душаўны боль выліўся ў яе ў вершаваныя радкі, у якіх яна заклікае нашчадкаў заўсёды памятаць аб той страшнай трагедыі, якую зведала яе

Векапомнае

Дзясеніца, 24 студзеня, 2009

Больш сціскае сэрца...

Прайшло 65 гадоў з дня трагедыі ў Зіняках

22 студзеня каля мемарыяльнага комплексу ў вёсцы Зінякі адбыўся жалобны мітынг у памяць аб бязвінна загінуўшых ахвярах нацызму. Тут сабраліся нешматлікія сведкі страшэнных падзей далёкага 1944 года — Міхаіл Іосіфавіч Журун, Любоў Іванаўна Шалешка, Марыя Міхайлаўна Куц, Ніна Васільеўна Хох, Мікалай Іванавіч Журун, Аляксей Мікалаевіч Куц, Сяргей Андрэевіч Шынкевіч, жыхары навакольных вёсак, прадстаўнікі райвыканкама, кіраўнікі гаспадарак і прадпрыемстваў, школы і моладзь.

Гучыць жалобная музыка, а праніжаныя словы выступаючых прымушаюць здрыгануцца, хтосьці раз-пораз выцірае слёзы з твару...

— Ужо 65 год прыходзяць сюды людзі, каб аддаць даніну памяці загінуўшым жыхарам вёскі Зінякі, — гаворыць намеснік старшыні райвыканкама І.Ю. Сакалоўскі. — Фашысты расстралялі, замучылі, спалілі ў нашым раёне 7,5 тысячы чалавек. У Васілішках, Жалудку, Шчучыне, Агародзішчах таксама "адзначыліся" нелюдзі.

За спачын нявінных душ у цішыні маліліся святары Ана-

толь і Аляксандр. Краналі за жывое словы, сказаныя работнікамі раённага Дома культуры і вучнямі Астрынскай сярэдняй шко-

лас мовілі сёстры Раіса Мікалаеўна Васілевіч і Тамара Мікалаеўна Рамановіч (дзявочае прозвішча Майко). — Тут ляжыць уся наша радня: бацька, сёстры і браты, цёткі і дзядзькі, дзяды і бабкі... Бацьку Мікалая, майстра на ўсе рукі, які ў той дзень рамантаваў хлеў, расстралялі. Сястру Ніну паднялі на штыкі і кінулі ў агонь... Мы цудам засталіся жывымі.

Н я м а
а праў-

лы. Сваімі ўспамінамі дзяліўся і сведка таго страшнага дня Міхаіл Іосіфавіч Журун. Яго дачка Лілія Міхайлаўна Чабатарэвіч прачытала кранаючы душу верш...

Пад залпы салюту да помніка і на магілы былі ўскладзены вянкi і жывыя кветкі.

— Дзякуй усім вам, людзі дарагія, што не забываеце загінуўшых, што раздзяляеце наш боль, — у адзін го-

дання фашызму. Мы павінны памятаць аб загінуўшых, каб такога не паўтарылася ніколі...

Сяргей ГАРДЗЕЙЧЫК.
Фота аўтара.

